

*Посвящается 30-летию
дружеского научного сотрудничества археологов
России и Финляндии (1976–2006 гг.)*

СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Контактные зоны и взаимодействие культур

Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences
State Historical, Literary and Landscape Memorial Preserve “Mikhailovskoje”
named after A. S. Pushkin (Pushkin preserve)
Museum Department of Finland

*Devoted to 30th anniversary
of the friendly cooperation of archaeologists
of Russia and Finland (1976–2006 zz.)*

SLAVS, FINNS AND OUGRIEN

The Zones of Contacts and Cooperation

The Papers of Russian-Finnish symposium
on the Problems of Archaeology and History
Pushkinskije Gory
2004, October, 7–10

Editorial board
A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, A. I. Saksa

Saint-Petersburg
2006

Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Музейное ведомство Финляндии

*Посвящается 30-летию
дружеского научного сотрудничества археологов
России и Финляндии (1976–2006 гг.)*

СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Контактные зоны и взаимодействие культур

Доклады Российско-Финляндского симпозиума
по вопросам археологии и истории
Пушкинские Горы
7–10 октября 2004 г.

Санкт-Петербург
2006

УДК 930.26(4-17)
ББК 63.48(41)

Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. Сборник докладов / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, А. И. Саксы. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. 214 с.

ISBN 5-98187-175-X

В сборнике докладов Российско-Финляндского научного симпозиума, состоявшегося в Пушкинских Горах, посвященного актуальным проблемам археологии и истории Восточной и Северной Европы, представлены новые открытия российских и финляндских ученых, изучающих культуры неолита, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Рассматриваются контакты финнов, включая карел, славян, скандинавов и других племен и народов древнего мира. Уделено внимание археологическим памятникам и предметам материальной культуры. Освещены темы, связанные с хронологией, типологией и изготовлением изделий различных исторических эпох. Сборник рассчитан на археологов, историков и всех интересующихся прошлым народов Евразии.

Настоящий сборник публикуется при поддержке Научного совета по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, язык и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

The collected papers of the Russian-Finnish symposium are devoted to actual problems of the Eastern and Northern Europe archaeology and history. The symposium took part in Pushkinskiye Gory in October 2004. There are new materials and researches of Russian and Finnish experts on archaeology of Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age and Middle Ages in this book. In this publication handle a problem of contacts of Karelian, Slavonic, Scandinavians and other tribes' culture of Ancient World. The researches are appointed to archaeological monuments and archaeological finds. The key subjects of the articles are chronology, typology and manufacturing of the ancient artifacts. The book is meant for archaeologists, historians and all persons interested in the ancient history of Eurasia.

The collected papers are published by a support of the Scientific Council on fundamental researches of the Department for the History and Philology of Russian Academy of Sciences by the program «The History, the Language and the Literature of Slavonic tribes in the World Sociological and Cultural Context».

ISBN 5-98187-175-X

© ИИМК РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Издательство «Нестор-История», 2006

От редакции

В настоящем сборнике публикуются доклады Российско-Финляндского симпозиума, состоявшегося 7–10 октября 2004 г. в Пушкинских Горах (Псковская обл.). В симпозиуме приняли участие ученые Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, музейных и научных центров Финляндии. Симпозиум был организован Институтом истории материальной культуры Российской академии наук, Государственным мемориальным историко-литературным и природно-ландшафтным музеем-заповедником А. С. Пушкина «Михайловское», Музейным ведомством Финляндии. Финансовую поддержку проведения симпозиума оказал Научный совет по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, язык и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

Международный научный симпозиум в Пушкинских Горах продолжил встречи археологов России и Финляндии, посвященные рассмотрению ключевых проблем археологии, истории и культуры Восточной и Северной Европы. Первый симпозиум состоялся в Ленинграде в 1976 г. Данная встреча — 13-я по счету. Совместными усилиями ученых России и Финляндии издана целая библиотека актуальных изданий, посвященных культурному и научному наследию славян, финнов, скандинавов и других народов Евразии (доклады каждого симпозиума публикуются попеременно в Санкт-Петербурге и Хельсинки). Тематика опубликованных исследований связана с изучением неолита, эпохи бронзы, раннего железа, средневековья. Достигнуты важные результаты, которые воодушевляют сотрудничающие стороны на продолжение столь успешно протекающей совместной работы. Институт истории материальной культуры РАН, который с российской стороны выступает лидером российско-финляндского сотрудничества, будет и впредь самым бережным образом относиться к укреплению, развитию и расширению этой кооперации, беспрецедентной в истории двух соседних стран.

Публикуемые в предлагаемом сборнике доклады отличаются широтой охвата исторических данных от неолита до эпохи зрелого средневековья. Излагаются новые открытия археологов, наблюдения о ремесле, торговле, градообразовании, этнической, хозяйственной, социальной структуре древних обществ. Анализируются материалы поселений, могильников, сами предметы материальной культуры, представлены древности главнейших городских центров Древней Руси: Старой Лядоги, Рюрикова городища, Тимерёва, Новгорода, Киева, Искоростеня. Обсуждается культура разноэтничных территорий с учетом межрегиональных и международных контактов населения этих областей. Отмечены и археологические изыскания, проходившие на землях Пушкинского заповедника.

Мы глубоко благодарны директору Пушкинского музея-заповедника и всем сотрудникам музея за сердечное гостеприимство, которое было оказано участникам симпозиума. Нам приятно отметить, что Российско-Финляндский симпозиум по археологии и истории проводится в Пушкинских Горах во второй раз. Предшествующая встреча по теме «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары» состоялась в Пушкиногорье в 1999 г.

Российско-финляндское научное сотрудничество в области археологии, с нашей точки зрения, является примером дальновидной и успешной международной научной интеграции в рамках европейского сообщества народов и государств.

Editorial

This book is a publication of the papers of the Russian-Finnish symposium took place October 7–10, 2004 in Puskinskiye Gory (Pskov district). Specialists from St. Petersburg, Moscow, Kiev and Finland took part this symposium. The symposium have been organized by the Institute for the history of material culture of the Russian academy of sciences, the State historical, literary and landscape memorial preserve «Mikhailovskoje» named after Alexander Pushkin (Pushkin preserve), the Museum department of Finland. The abstract scientific council of the program «The history, the language and the literature of the Slaves in a world social and cultural process» of the Department of historical and philological researches makes a financial support of this symposium.

The international symposium in Pushkinskiye Gory continued the meeting tradition of archaeologies from Russia and Finland and was devoted to investigation crucial problems of the Eastern and Northern Europe archaeology, history and culture. The first meeting was in Leningrad in 1976. The given one is 13th. The joint efforts of specialists from Russia and Finland made possibility to publish a series of current importance books on cultural and scientific heritage of the Slavs, the Finns, Scandinavian tribes and other nations of Eurasia. The papers of every symposium publish by turns in St.-Petersburg and Helsinki. The subject-matter of publications deals with investigations in Neolithic Period, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages. The advances fill with enthusiasm to the contributory investigators to continue the fruitful team-work. The Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences being a leader of the Russian side in Russian-Finnish cooperation will take a care to the consolidation, the evolution and the enlargement of this without precedent team-work in the history of the adjacent states.

The papers published in this book is remarkable in a wide coverage of the historical materials from the Neolithic Period to the Late Middle Ages. At the same time the authors give an account finding of archaeologists, observations in the craft, the trade, the hail growth, the ethnical, economical and social structure of the ancient communities. The materials from the settlements, burial grounds and the very ancient objects are analyzed in the papers. The ancients from the main city centers of ancient Russia – Staraya Ladoga, Rurikovo Hillfort, Timerevo, Novgorod, Kiev, Iskorosten – are touched upon too. In the book the culture of the territories settled by different ethnics are discuss as well. The archaeological studies on the territory of the Pushkin preserve are appointed.

We are very grateful to the director of the Pushkin preserve and to the stuff of the museum for the hospitality. We are very glad to emphasize that the Russian-Finnish archaeological symposium was in Pushkinskiye Gory in the second time. The previous one – «Slavs, Finns, Ugrians, Scandinavians and Volga Bulgarians» – was in Pushkinskiye Gory in 1999.

The Russian and Finnish cooperation in archaeology in respect to us is an example prescient and successful international scientific integration in the context of the European community of the nations and the states.



Свидницкий полугрош из раскопок на городище Воронич

Ad gloriam B. H. Рябцевича

В 2004 г. при археологических раскопках городища Воронич (Псковская обл.)¹ была найдена монета, составляющая предмет настоящей публикации. Она представляет собой кружок грязно-белого цвета (предположительно, серебра низкой пробы) диаметром 18 мм и весом около 0,6 г (рис. 1). На аверсе в центре монетного поля в линейном ободке изображен летящий орел в короне. Голова орла повернута в правую геральдическую сторону. Вокруг орла размещена латинская надпись: «+LVDOVICVS: R: VN: ET: VO». На реверсе в центре монетного поля в линейном ободке изображена королевская корона с тремя точками. Вокруг короны в двойном линейном ободке сохранились остатки стертой латинской надписи: «+CIVITAS. SW[...] 15[...]3».

Изображения и надписи свидетельствуют о том, что это полугрош, отчеканенный в городе Свидница (Swidnica) в 1523 г. от имени короля венгерского и богемского Людовика II Ягеллончика (1516–1526). Подобные монеты чеканились в Свиднице в 1517–1527 гг. (Szwagrzyk 1973: 70, tabl. V, № 337). Монета из раскопок на Ворониче, вероятно, была отчеканена в 1523 г. и достаточно долго находилась в активном обращении, о чем свидетельствует заметная потертость монеты (особенно реверса).

Город Свидница (Швайцниц) расположен на территории Силезии, которая в настоящее время входит в состав Польши, а в средние века имела бурную и весьма противоречивую историю. На протяжении длительного времени за эту область шла упорная борьба между соседними государствами. В конечном счете, в 1335 г. Польша была вынуждена признать тот факт, что Силезия попала под власть династии Люксембургов и вошла в состав земель, подвластных чешской короне (СИЭ

¹ Финансирование раскопок осуществлялось из средств Государственного Пушкинского заповедника и при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Интеграция» (проект Э-0336).

1969: 863). Ситуация стала еще более запутанной после того, как Богемия заключила династическую унию с королевством Венгрией (ВИ 1997: 7). Однако польская корона достаточно быстро взяла своеобразный политический реванш, когда в XV в. к власти в Венгрии и Чехии путем удачных брачных союзов пришла династия Ягеллонов. Представителем именно этой династии и был король Людовик II Ягеллончик, который одновременно являлся сыном короля Венгрии и Богемии Владислава II Ягеллона (1490–1516), потомком основателя династии Ягеллонов Владислава II Ягелло (1386–1434) и племянником польского короля Сигизмунда I Старого (1506–1548) (Герберштейн 1986: 62). Подобная запутанная династическая ситуация и географическая близость Силезии к западной границе Польши создавали самые благоприятные возможности для разнообразных политических и финансовых махинаций на территории Силезии.

В первой половине XVI в. Венгерское королевство и земли, связанные с ним, переживали сложную политическую и экономическую ситуацию (ВИ 1997: 5–19). Все это приводило к лихорадочным и часто весьма сомнительным с юридической точки зрения попыткам улучшить положение. В частности, на территории Силезии в XVI в. выпускали мелкую серебряную монету, которая копировала внешний вид польских номиналов. Именно такую монету чеканили в 1517–1527 гг. в Свиднице. Эта монета по внешнему виду была подобна польским полугрошам Сигизмунда I Старого (1506–1548), Александра I (1501–1506) и Яна Ольбрахта (1492–1501). Наибольшее сходство свидницкие полугроши имели с полугрошами первого из перечисленных королей (Gumowski 1914: tabl. XXII, № 545, 547, 559; Szwagrzyk 1973: 62, № 199, 201).

Формально, рассматриваемый полугрош Свидницы и подобные ему монеты нельзя считать фальшивыми, так как они выпускались на «законном» монетном дворе. Однако их широкое распространение подрывало польский денежный рынок. Власти Польши неоднократно предпринимали попытки прекратить проникновение подражательных монет из Свидницы и изъять их из обращения Польского королевства и Великого княжества Литовского. Об этом свидетельствуют законодательные акты польских и литовских властей с 1518 по 1547 г., детально изученные В. Н. Рябцевичем (1968: 44–45; 1995: 169–170). Именно исследования В. Н. Рябцевича внесли наибольший вклад в изучение монет Свидницы, обращавшихся на западных землях средневековой Руси (современные территории Беларуси и Украины).

Появление монет Свидницы на территории Польши и Литвы можно связать с целым рядом важных политических и финансовых событий. Прежде всего, чеканки Свидницы подрывали финансовую базу польской короны и, в конечном счете, привели к реформе польской монетной чеканки 1526 г. (подробнее об этой реформе см.: Mikolajczyk 1988: 21–24). Кроме того, чеканка подражательных полугрошей в Свиднице от имени короля Венгрии и Богемии не могла не вызвать обострения в отношениях между польской и чешской коронами. Можно полагать, что монетная интервенция Силезии сыграла свою роль в том, что в 1526 г. польский король Сигизмунд I Старый не пришел на помощь родственнику в войне с Османской империей (Герберштейн 1986: 64–65). В результате этого венгерские войска были разгромлены 26 августа 1526 г. в битве при Мохаче войсками турецкого султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566), а раненый король Людовик II Ягеллончик, который лично возглавил атаку венгерской тяжеловооруженной ка-

валерии, утонул в болотной грязи под тяжестью собственных доспехов во время бегства разбитой армии христиан (Кинросс 1999: 202–203; ВИ 1997: 20)².

Отметим, возвращаясь к свидницкому полугрошу, найденному при раскопках городища Воронич, что эта монета является наиболее восточной из всех находок подобного типа. Монетное обращение коренных великорусских земель в XVI и XVII вв. почти не принимало чужеземной монеты (Спасский 1962: 100–125; Мельникова 2003), поэтому объяснение обстоятельствам появления на Псковщине столь экзотичной монеты, безусловно, следует искать в политических событиях XVI в.

В этой связи особое значение приобретает археологический контекст находки. Городище Воронич — детинец псковского пригорода Вороноча³. Город находился в юго-восточной части Псковской земли, близ псковско-литовского пограничья. В исторической литературе город Вороноч упоминается обычно в связи с военными действиями: набеги и осады «литвы» в XIV–XV вв., поход польско-литовско-венгерского войска на Псков в 1581 г., разорения Смутного времени. Большинство исследователей относят появление города к XIV в., а гибель его датируют 1581 г., когда Вороноч был занят войсками Стефана Батория (Болховитинов 1831: 198; Костомаров 1886: 75–76; Бутырский 1897; Ушаков 1909: 25–26; Софийский 1912: 159–165; Платонов 1927; переизд.: Платонов 1998; Очерки 1953; Косточкин 1962: 41; Проскурякова, Лабутина 1971: 41; Васильев 1997: 14–15; Зимин, Хорошкевич 1982: 141; Скрынников 1983: 227–228).

Правда, в 1582–1583 гг. Разрядная книга 1475–1605 гг. помещает в Вороноче осадного голову Михаила Рясина (РК 1475–1605, III/1: 219; III/2: 12), однако в это время в городе уже царит запустение, зафиксированное в 1585–1587 гг. московскими «писцами» Григорием Мещаниновым-Морозовым и Иваном Дровниным (Псков и его пригороды 1913). Вороноч обозначен в писцовой книге 1585–1587 г. как «городище, что был город» (Псков и его пригороды 1913: 332).

Напрашивается сопоставление найденного на городище Воронич полугроша с походом войск Стефана Батория на Псков летом 1581 г., когда близ Вороноча находился сборный лагерь королевского войска. Однако представляется, что связь эта не так прямолинейна, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что публикуемая монета была обнаружена на северо-западном краю площадки городища при зачистке поверхности слоя пожара, зафиксированного на внутреннем склоне городищенского вала. Таким образом, выпадение в слой монеты, битой в 1523 г., произошло позднее гибели деревянных фортификаций го-

² Результатом разгрома венгерской армии в битве при Мохаче стало изменение всей военно-политической ситуации на юге Центральной Европы: турки дошли до границ Австрии и могли теперь угрожать Вене, Венгрия была разделена на части, а зависимые от нее земли достались соседним державам. В частности 23 октября 1526 г. королем Богемии был избран австрийский принц Фердинанд Габсбург (король Богемии и западной части Венгрии в 1526–1562/1564) (Зикен 1997: 61–88). В числе прочих земель Богемской короны Габсбурги получили и большую часть Силезии, что привело к заметному изменению политического климата в этой области, в том числе в сфере монетной чеканки. В связи с этим интересно отметить, что монеты Свидницы с именем Фердинанда Габсбурга нам не известны.

³ Наименование города в письменных источниках — Вороноч или Воронач. В настоящее время Великий (Верхний, Горний) посад города сохранился в виде дер. Воронич. В статье мы сохраняем за средневековым городом наименование Вороноч, а городище являвшееся детинцем средневекового города, называем, как это и принято в современной литературе, по ближайшему населенному пункту — дер. Воронич.

родища. При этом вероятность того, что свидницкий полугрош попадает на территорию Псковщины в начальный период своего хождения представляется ничтожно малой.

В XVI в. Вороноч упоминается в письменных источниках, главным образом, в связи с военными действиями. Осенью 1518 г. польско-литовские войска почти месяц осаждали город Опочку, и тогда же литовские отряды «повоевали» города Вороноч, Велье и Красный (ПЛ-1: 99–100). В 1521 г. Вороноч стал местом сбора русских войск, ожидавших начала военных действий против Литвы (ПЛ-1: 102). 29 ноября 1546 г. в Вороноче останавливался московский царь Иван IV Васильевич (Грозный), совершавший поездку в Новгород и Псков⁴. Весной 1565 г., когда большой отряд литовцев подошел к городу Велье, а русские войска отступили, преследовавшие их литовцы «за пять верст не доходили до Вороноча» (ПЛ-2: 247).

Очевидно, что во всех перечисленных событиях Вороноч предстает русским городом. Таковым он оставался, по крайней мере, до 1567–1569 гг. Разрядная книга 1559–1605 гг. называет вороночским воеводой Федора Васильевича Шереметева (РК 1559–1605: 50, 59). Однако в грамоте 1571 г., направленной полоцким воеводой А. И. Ногтевым-Суздальским канцлеру Великого княжества Литовского М. Ю. Радзивиллу-Рыжему, отмечено, что 3 мая того года «...государя вашего люди из Вороноча казачий десятник Соколинского прибору Васька, да казаки Жукова прибору Ячка да Майка, да Городовской, а с ними многие люди» напали на людей полоцкого архиепископа Антония (ДЛВ 1998: 25). В той же грамоте подчеркивается, что люди, напавшие 28 июня того же года на отряд полоцких казаков, пришли «из государя вашего из городка из Вороноча» (ДЛВ 1998: 27). Все эти сведения повторены в «Обидном списке», сопровождавшем грамоту, причем здесь прямо сказано, что ограбления «архиепископля подвойского Ивана» 3 мая и полоцкого казачьего пятидесятника Третьяка Панина Бурцова 28 июня произвели «литовские люди» из Вороноча (ДЛВ 1998: 35, 39). Таким образом, в 1569 г. Вороноч еще принадлежал Московскому государству, но уже в 1571 г. он входил в состав Великого княжества Литовского и здесь находился литовский гарнизон.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. под 1581 г. отмечено, что «июля в 13 день по литовским вестям, что прислал король заставу на Вороночь, и государь прислал воевод на Вороночь помогать Вороночю... А как король пришел ко Пскову, и им велено помогать Пскову» (РК 1475–1605, III/1: 188). Таким образом, в июле 1581 г. — то самое время, когда польско-литовско-венгерская армия короля Стефана Батория двигалась на Псков, Иван IV направил воевод «на помощь» Вороночу. Заметим, однако, что в Разрядной книге ничего не сказано о том, кто из русских воевод в этот момент находился в Вороноче, так что остается неясно, кому именно оказывали «помощь» царские воеводы Иван Федорович Крюк-Колычов и князь Григорий Иванович Коркодинов, направленные под Вороноч из Новгорода, Леонтий Иванович Оксаков и князь Василий Мещерский, посланные из Пскова, а также Василий Тимофеевич Плещеев и Ермола Коробов, хотя подчеркнуто, что в Вороноче находится королевская «застава». Нет никаких сведений и о результатах «помощи», оказанной Вороночу. Складывается впечатление, что Вороноч в первой половине июля 1581 г. не контролировался русскими войсками, и русский гарнизон в городе отсутствовал.

⁴ В Псковской Третьей летописи ошибочно показано, что Иван IV совершал поездку в конце декабря 1546 г. (ПЛ-2: 230). Дата поездки уточнена С. Ф. Платоновым (1998: 35).

Уточнить ситуацию помогают «Записки о Московской войне», составленные на основании официальных документов и свидетельств очевидцев Рейнгольдом Гейденштейном. Согласно сведениям Гейденштейна, крепость города Вороноча «была оставлена Московитянами» (Гейденштейн 1889: 171). В 1581 г. «Сибрик, начальник Заволочья (захваченного в 1580 г. польскими войсками. — С. Б., С. Т.) вызвал всех людей той области для присяги... Пришли, в том числе и жители Вороноча, избрав для себя, по обычаю польскому, войта (advokato)... Московитяне опасались, что Заволочский гарнизон может легко овладеть *неукрепленным* (курсив наш. — С. Б., С. Т.) городом, и потому хотели его заранее сжечь, а горожан, которые принесли присягу по приглашению польских властей, наказать... Итак, собрав несколько войска, они двинулись, для того, чтобы захватить город нечаянным нападением, но бдительный в своей должности прокуратор (т. е. войт) немедленно известил Сирика; последний разбил Московитян, занял... местность, на котором стояла крепость, и поставил там гарнизон, укрепив его сообразно обстоятельствам... и, руководимый самими крестьянами, которым известны были соседние места, взял потом с неприятельской земли много добычи» (Гейденштейн 1889: 171).

Очевидно, что события первой половины июля 1581 г., зафиксированные в Разрядной книге, соответствуют событиям, описанным Гейденштейном. В начале лета 1581 г. в Вороноч, оставленный русскими войсками, прибыла «застава», направленная из Заволочья. Выборные представители вороночан отправились в Заволочье и принесли присягу королю. В ответ на это царским приказом под Вороноч были срочно направлены карательные войска под началом псковских и новгородских воевод. Целью похода являлось уничтожение Вороноча и наказание «изменников». Однако русские войска были разбиты поляками, взявшими окрестности Вороноча под полный контроль.

Таким образом, к лету 1581 г. Вороноч и его округа были уже довольно давно покинуты русскими войсками, а сам город не имел укреплений. Заметим при этом, что какая-то часть местного населения сочувственно относилась к польско-литовской администрации: жители Вороноча присягнули королю, «войт» Вороноча «немедленно известил Сирика» о приближении царских войск, а грабеж окрестностей Вороноча производился под руководством «саших крестьян».

В «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию», составленном одним из секретарей королевской канцелярии ксендзом Станиславом Пиотровским, в записи от 8 августа отмечено: «...провел ночь в 5 милях от Воронца: там обилие во всем, деревни, т. е. села расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба» (Дневник: 66). 9 августа Пиотровский записал в дневнике: «Я приехал в Воронец» (Дневник: 66). Автор дневника ничего не сообщает о военных действий под стенами Вороноча и в своих последующих записях. Более того, в записи от 15 августа сказано: «Мы в двух милях от Воронца, проводим ночь над рекою Великою. Король завтра отправляется за нами... Гетман выехал из Воронца» (Дневник: 84–85), — а в записи от 16 августа отмечено: «Король изволил выехать на другой день после гетмана, сделав 5 миль от Воронца, так что он в один переезд сделал столько, сколько мы в два... Мы ночевали в 4 милях над тою же рекою Великою; король за нами в $\frac{1}{4}$ мили. Мы уже вступаем в веселую и плодородную страну, но что пользы от этого? Везде пусто, мало жителей; между тем повсюду деревни» (Дневник: 85).

Сведения Пиотровского подтверждены интереснейшим источником, хранящимся в архиве Ватикана — копией карты, присланной «в Рим в начале 1582 г. папским нунцием А. Поссевино... Присланный им в Рим рисунок, очевидно, копия с плана королевской походной канцелярии» (Кирпичников 1994: 195). На карте обозначены Псков и города, находившиеся на пути войск Батория — Опочка, Красный, Заволочье и Вороноч. Опираясь на сведения, содержащиеся в надписях на карте, А. Н. Кирпичников убедительно доказал, что карта была составлена между 18 и 20 августа 1581 г. (Кирпичников 1994: 195; 1988: 232). При этом королевский лагерь показан на левобережье р. Сороти к востоку от Вороноча, то есть в том месте, которое называет в своем дневнике Пиотровский.

Ни в дневнике Пиотровского, ни в надписях на карте 1581 г. нет сведений об осаде Вороноча, хотя сообщено о захвате Заволочья, сожженном Красном Городке и осаде Острова. Напротив, Пиотровский подчеркивает: в густонаселенных («повсюду деревни») окрестностях Вороноча «не видно ни одного человека», «езде пусто, мало жителей». Очевидно, что в первой половине — середине августа 1581 г. город Вороноч, в четырех-пяти верстах от которого находился сборный пункт войск Стефана Батория, а также окрестные деревни были покинуты местными жителями в преддверии военных действий и контролировались королевскими войсками. Об этом же сообщает и Гейденштейн, включивший Вороноч, наряду с Красным Городком и Заволочьем, в число крепостей, занятых поляками (Гейденштейн 1889: 185, 189). С учетом того, что «Дневник» Пиотровского не входил в число источников, которыми пользовался Гейденштейн (Гейденштейн 1889: LXI–LXXIII), это представляется особенно существенным.

При перечислении территориальных потерь и приобретений московского царя по мирному договору 1582 г., Гейденштейн называет Вороноч в числе крепостей, разрушенных по приказу Ивана IV. «Царь сам получил обратно из земель, которые были завоеваны королем оружием: Луки, Заволочье, Остров, Невель, Холм, затем только крепостцы, разрушенные им самим, Красный, Красногород, Воронеч, Велый» (Гейденштейн 1889: 268). В статье, посвященной раскопкам 2002–2003 гг. на городище Воронич, отмечалось, что сведения Гейденштейна о разрушении Вороноча самими русскими в других источниках не подтверждаются (Белецкий 2003: 104). Полагаем, что результаты раскопок 2004 г. позволяют внести в решение этого вопроса некоторую ясность. Поскольку польский отряд разбил русские карательные войска, направлявшиеся в начале лета 1581 г. «на помощь» вороночанам, а город в момент размещения здесь польского гарнизона укреплений уже не имел, можно думать, что пожар, зафиксированный раскопками 2004 г., произошел ранее 1581 г., то есть, вероятнее всего, в момент вывода из крепости русского гарнизона на рубеже 1560–1570-х гг. Иными словами, раскопки 2004 г., как будто бы, подтверждают сведения Гейденштейна о том, что крепость Воронича была разрушена по распоряжению московского царя еще до похода Батория.

Таким образом, контроль над Вороночем был утрачен московскими властями между 1569 и 1571 гг. На протяжении 1570-х гг. в крепости Вороноча, эпизодически появлялась «литовская застава», однако в течение всего этого десятилетия город находился в местном самоуправлении. При этом выборная администрация города не просто с сочувствием относилась к польско-литовской администрации, но в 1581 г. присягнула королю. Тогда же в Вороноче был размещен польский гарнизон. Видимо, не случайно окрестности Вороноча были избраны местом разме-

щения королевского лагеря и сборного пункта войск Стефана Батория, направлявшихся к Пскову. И только по договору 1582 г. Вороноч и его округа вновь отошли к Московскому государству.

После сказанного решимся предположить, что публикуемый свидницкий полугрош выпал в культурный слой городища Вороноч в 1570-е – начале 1580-х гг. (вероятнее всего, летом 1581 г., но не позднее 1582 г.). Однако в этом случае придется признать, что полугроши, отчеканенные в Свиднице в первой четверти XVI в., продолжали обращаться на рынке Польско-Литовского государства до последней четверти этого столетия, то есть значительно позднее последнего упоминания о них в письменных источниках (Рябцевич 1995: 170). Обоснованность гипотезы о позднем хождении полугрошей Силезии XVI в. на территории Восточной Европы подтверждают материалы кладов XVII в., найденных на территории современных Украины и Молдовы⁵.

Литература

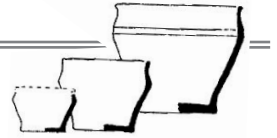
- ВИ 1997 — Всемирная история в 24 т. Минск: Литература, 1997. Т. 11: Развитие государств Восточной Европы.
- Белецкий 2003 — *Белецкий С. В.* Псковский пригород Вороноч // *Stratum plus*. 2001–2002. № 5. 2003.
- Болховитинов Е. 1831 — *Болховитинов Е.* История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 1.
- Бутырский 1897 — *Бутырский И. П.* Опыт древней истории Опочки. Псков, 1897.
- Васильев 1997 — *Васильев М. Е.* Минувшее проходит предо мною... М., 1997.
- Гейденштейн 1889 — *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889.
- Герберштейн 1986 — *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 31–150.
- ДЛВ 1998 — Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1998.
- Дневник 1882 — Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова). Псков, 1882.
- Зикен 1997 — *Зикен Б.* Фердинанд I. 1556–1564 // *Шиндлинг А., Цинглер В.* Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 61–88.
- Зимин, Хорошкевич 1982 — *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982.
- Кинросс 1999 — *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
- Кирпичников 1988 — *Кирпичников А. Н.* Иностранцы о Пскове XVI в. Новые исследования // Древний Псков. История, искусство, археология. М., 1988.

⁵ Например, свидницкие полугроши Людовика II содержались в кладах: Днестровск (Слободзейский р-н Республики Молдова 1961 г. находки, сокрыт после 1627 г.); Багринешты (Флорештский р-н Республики Молдова 1985–1986 гг. находки, сокрыт после 1625 г.); Козинцы (Тросчаницкий р-н Винницкой обл. Украины 1843 г. находки, сокрыт после 1614 г.) (Нудельман 1976: С. 127; Kotlar 1975: 131; Tezaure 1994: 46–47; 49).

- Кирпичников 1994 — *Кирпичников А. Н.* Оборона Пскова в 1581–1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1994. Вып. 2.
- Костомаров 1886 — *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки) // Исторические монографии и исследования. СПб., 1886. Т. 8.
- Косточкин 1962 — *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI вв. М., 1962.
- Мельникова 2003 — *Мельникова А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона–Монета, 2003.
- Нудельман 1976 — *Нудельман А. А.* Топография кладов и находок единичных монет. Кишинев: Штиинца, 1976.
- Очерки — Очерки истории СССР. XIV–XV вв. М., 1953.
- ПЛ–1 — Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.
- ПЛ–2 — Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
- Платонов 1927 — *Платонов С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. Л., 1927.
- Платонов 1998 — *Платонов С. Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка // Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб., 1998. Вып. 1.
- Проскурякова, Лабутина 1971 — *Проскурякова Г. В., Лабутина И. К.* Псковская феодальная вечевая республика. Начало союза с Московским государством // Псков. Очерки истории. Л., 1971. С. 41.
- Псков и его пригороды 1913 — Псков и его пригороды. Кн. 1 // Сборник МАМЮ. М., 1913. Т. V.
- Псков и его пригороды 1914 — Псков и его пригороды. Кн. 2 // Сборник МАМЮ. М., 1914. Т. VI.
- РК 1475–1605, III/1 — Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I.
- РК 1475–1605, III/2 — Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. III. Ч. 2.
- РК 1550–1636 — Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. II. Ч. 1.
- РК 1559–1605 — Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.
- Рябцевич 1968 — *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывает монета. Минск: Народная асвета, 1968.
- Рябцевич 1995 — *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Минск: Полымя, 1995.
- СИЭ 1969 — Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 12.
- Софийский 1912 — *Софийский Л.* Город Опочка и его уезд. Псков, 1912.
- Скрынников 1983 — *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1983.
- Спасский 1962 — *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л.: ГЭ, 1962.
- Ушаков 1909 — *Ушаков Ф. А.* Время основания г. Пскова, границы Псковской страны и степень ее населенности в различные периоды ее существования // Труды ПАО 1908–1909 гг. Псков, 1909.
- Gumowski 1914 — *Gumowski M.* Podrecznik Numizmatyki Polskiej. Krakowie: «Czasu», 1914.
- Kotlar 1975 — *Kotlar M.* Znaleziiska monet z 14–17 w. na obszarze Ukrainskiej SRR. Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk: Zaklad Narodowy imienia Ossolinskih. Wydawnictwo Polskiej AN, 1975.
- Mikolajczyk 1988 — *Mikolajczyk A.* Einfuhrung in die neuzeitliche MunzgeschihitePolens. Lodz: Biblioteka muzeum Archeologicznego i etnograficznego w Lodzi, 1988.
- Szwagrzyk 1973 — *Szwagrzyk J. A.* Pieniadz na ziemiach Polskich X–XX w. Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk: Zaklad Narodowy imienia Ossolinskih, 1973.
- Tezaure 1994 — Tezaure din Muzeele orasului Chisinau secolele XVI–XVIII. Chisinau: Editura Universitas, 1994.



Рис. 1. Свидницкий полугрош 1523 г. из раскопок на городище Воронич



Комплекс памятников у деревни Городище на реке Сяси в системе синхронных древностей (вопросы анализа керамического комплекса)

На средневековых поселениях как сельского, так и городского типа, как правило, встречается большое количество керамического материала. Это объясняется, с одной стороны, хорошей сохранностью керамики, а с другой — ее массовым употреблением в прошлом. Более того, керамика считается одним из самых надежных этнических индикаторов, источников по изучению географии расселения древних коллективов и их исторических судеб (Рыбаков 1948: 163). Эта уверенность основана на представлении, что керамическое производство являлось в древности домашним производством, традиции которого передавались из поколения в поколение в среде кровнородственного населения (Бобринский 1978: 26–27). Вместе с тем, ряд исследователей справедливо указывает, что приемы изготовления керамики сохраняются неизменными только внутри изолированных коллективов. В периоды же бурных межкультурных контактов, как например, в эпоху средневековья, наиболее массовым и повсеместно действовавшим механизмом был процесс смешения носителей разных технологических традиций (Сениченкова 1998: 6). Поэтому, анализ керамического материала считается обязательной исследовательской процедурой при изучении не только средневековых древностей Северо-Запада Руси, но и любого древнего поселения или могильника. Однако, в силу ряда причин, подобный анализ часто бывает весьма затруднен. Особенно ярко эти проблемы встают при анализе комплекса лепной керамики, в частности, лепной керамики Северо-Запада Руси.

Специфика материала, а именно, низкая вариативность и серийность форм керамических сосудов сильно осложняет анализ этой категории древностей в целом. Например, лепная керамика древней Руси представлена сосудами, весьма разнообразными по форме и величине. Вместе с тем, набор форм сводится к достаточно

небольшому количеству основных типов: встречаются лепные горшки баночной или близкой к ней формы с прямым или чуть отогнутым венчиком, нередко более тонким, чем стенки сосуда. Иногда сосуды лепились в виде опрокинутого усеченного конуса с едва заметно выступающими плечиками и невысоким прямым или немного отогнутым наружу венчиком. Можно также выделить сосуды биконической формы с резко выраженным в профиле ребром. Вместе с тем, как отмечает большинство исследователей, ручная работа обуславливала отсутствие стандартизации сосудов и большое количество отклонений от основных типов посуды. Например, по справедливому замечанию Е. Н. Носова, «нередко у одного и того же сосуда профилировка венчика с противоположных сторон различна» (Носов 1990: 135). Совершенно одинаковых лепных сосудов, как правило, не встречается (Мальм 1959: 124–125). Нередко лепные сосуды украшались орнаментом. Орнаментация на лепной посуде обычно наносилась по плечу и обрезу венчика, иногда же узор покрывал все тулово сосуда. Край венчика орнаментировался щипками или ямочными вдавлениями, нанесенными концами пальцев, реже косыми насечками и отпечатками различных штампов. Плечики сосудов украшались отпечатками веревочки и веревочки, намотанной на палочку, отпечатками зубцов гребенки и других штампов, часто составляя весьма разнообразные композиции. Вместе с тем, следует заметить, что процент орнаментированных лепных сосудов достаточно невысок. Так, по наблюдениям Т. Б. Сениченковой, проанализировавшей материалы раскопок Старой Ладоги, из 12 750 фрагментов лепной керамики орнаментированная составляет от 1,3 до 0,87 % для раскопов на Земляном городище и 1,75 % для раскопа на Варяжской улице (Сениченкова 2002: 93–94). При этом подавляющее большинство орнаментированных фрагментов лепной керамики происходит из слоев X в., то есть финального периода бытования лепной керамики¹. Таким образом, и анализ орнаментальных композиций вряд ли может стать решающим при изучении лепной керамики Северо-Запада.

Приведенные выше трудности анализа керамического комплекса полностью можно отнести и к материалам, происходящим из раскопок поселения у дер. Городище на р. Сяси. Этот комплекс достаточно давно привлек внимание историков и археологов и даже был предложен в качестве одного из ключевых пунктов в раннесредневековой истории Новгородской земли. А. В. Куза предложил гипотезу политической истории юго-восточного Приладожья, как одной из трех племенных территорий, составлявших древнейшее ядро Новгородского княжества. Племя, или союз племен, во всяком случае, их западные группировки, согласно его концепции, являлись активными участниками северного союза племен, третьим федератом одного из предшествовавших возникновению Киевской Руси государственных образований. По мнению А. В. Кузы, приладожская Весь упоминается в летописях под именем Чудь, которая вместе со Словенами и Кривичами участвовала в летописном призвании варягов (Куза 1975: 145–152). Важнейшими центрами этой племенной группировки А. В. Куза считал Ладогу и поселение в устье р. Сяси. Поскольку, на момент выхода книги А. В. Кузы в юго-восточном Приладожье было обнаружено и частично исследовано только одно средневековое поселение, а именно, поселение у дер. Городище в среднем течение р. Сяси, здесь, видимо, мы сталкиваемся с досадной ошибкой в его локализации. Поселение расположено

¹ Так к X в. относится 37,5 % для слоев Земляного городища и 84,8 % для раскопа на Варяжской улице. (Сениченкова, 2002: 94, Табл. 1).

на высоком крутом берегу реки в месте впадения в нее небольшого ручья. Рядом Сясь перегораживают пороги. Этот памятник, а также окружающие его могильники, впервые был исследован в 1909 г. Н. И. Репниковым (Репников 1915: 37). Он впервые употребил для его определения термин «городище», то есть поселение, имеющее укрепления, однако не оставил их описания. С момента выхода работы Н. И. Репникова за поселением прочно закрепилось это определение, хотя ни один исследователь не оставил чертежей остатков фортификационных сооружений. В настоящее время их следов, если они когда-нибудь существовали, нет.

Первые археологические раскопки поселения разведывательного характера здесь были предприняты первооткрывателем памятника Н. И. Репниковым в 1909 г. (Репников 1915: 40). Более масштабные работы проводил в 1930 г. В. И. Равдоникас (Равдоникас 1934: 37–38; 1931: 1–6). На площадке поселения им было разбито два раскопа общей площадью около 240 кв. м. Материалы этих раскопок были переданы в Карельский государственный исторический музей, где пропали во время Второй мировой войны. В 1950-е гг., при строительстве автодороги, поселение было уничтожено карьером. В 1971 г. его остатки обследовала археолог из Петрозаводска С. И. Кочкуркина и сделала заключение, что памятник полностью потерян для науки (Брыкина, Кочкуркина, Сазонова 1972: 25–26; Кочкуркина 1989: 22–23). В 1987–1989 гг. здесь — на месте разрушенного городища — Сясьским отрядом Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН были найдены чудом сохранившиеся остатки культурного слоя общей площадью 54 кв. м. (его раскопками руководила А. Д. Мачинская), который располагался на самом краю древней площадки городища, а также впервые найдена периферийная часть поселения, в любом случае расположенная за пределами гипотетически реконструируемых валов. Остатки выявленного работами 1987–1989 гг. культурного слоя к югу от Сясьского городища, были исследованы в течение 1996–1998 гг., причем была вскрыта площадь более 170 кв. м. Культурный слой располагался в низине между карьером, уничтожившим городище, и расположенной к югу от него небольшой возвышенностью на высоком правом коренном берегу р. Сяси. Раскоп 1996 г. находился в 65 м к юго-востоку от раскопов 1987–1988 гг., на площадке городища. Надо отметить, что не было зафиксировано существования культурного слоя или следов его разрушения на территории между раскопом 1987–1988 гг. на площадке городища и участком поселения, исследованного в 1996–1998 гг. участком. Однако остается неясно, был ли этот слой уничтожен при разработке карьера или же никогда не существовал в действительности.

Еще В. И. Равдоникас во время своих раскопок на этом поселении отмечал отсутствие керамики, сделанной на гончарном круге (Равдоникас 1934: 38). Исследования 1987–1998 гг. подтвердили это наблюдение: ни на площадке городища, ни при раскопках связанного с ним селища не было найдено фрагментов гончарной посуды. Хотя в результате раскопок поселения сделано значительное количество находок, традиционно наиболее массовый материал поселенческих памятников, а именно керамика представлена весьма бедно. Керамика городища на р. Сяси довольно грубая. Она изготовлена в технике кольцевого ленточного налепа с последующим костровым обжигом. Как отошная примесь использовалась крупная дрсва, изредка песок, в некоторых случаях можно проследить наличие органических примесей. Отличительными особенностями является красноватый цвет некоторых черепков, что обусловлено использованием местной красной глины и крайне плохое качество обжига, что нередко приводило к полному разрушению фрагментов. В целом,

керамический комплекс городища на р. Сяси маловыразителен, поскольку большинство керамических фрагментов имеют очень небольшие размеры. Достоверных следов орнаментации на керамических фрагментах не зафиксировано. Малое количество археологически целых форм, сравнительно небольшое количество керамики вообще и фрагментов, имеющих характерные особенности профилировки в частности, не позволяет делать масштабные выводы. Вместе с тем, графически полностью или частично реконструируются восемь лепных сосудов. Таким образом, можно говорить о наличии в материалах памятника реберчатой керамики и сосудов с четким переходом от шейки к плечу (рис. 1).

Необходимость изучения этого крайне бедного и невыразительного материала заставляет нас предложить несколько необычный путь анализа керамических находок из раскопок поселения у дер. Городище. Мы предлагаем провести сравнение имеющегося материала с наиболее богатыми керамическими коллекциями археологических памятников Северо-Запада Руси. Безусловно, подобное сравнение должно проводиться для синхронных материалов.

Материалы для датировки поселения у дер. Городище дает богатая коллекция бус. Наиболее ранними в коллекции следует признать центральноевропейские по происхождению цилиндрические бусы черного стекла (типа B060 по Ю. Кальмеру). З. А. Львова приводит аналогии подобным бусам в памятниках Моравии, датирующихся началом IX–X вв. (Львова 1968: 77). Два экземпляра, опубликованные Е. А. Рябининым, относятся к самому нижнему микрогоризонту горизонта E₃ (Рябинин 1982: табл.) (750–760-е гг. по: Рябинин 1999: 180, примеч.). К нижнему микрогоризонту горизонта E₃, видимо, относятся и две аналогичные бусины из раскопок В. И. Равдоникаса (Френкель). Тем не менее, в публикации 1982 г. Е. А. Рябинин осторожно отметил, что подобные бусы «не выходят за пределы VIII в.» (Рябинин 1982: 171–172). Аналогичным образом определяет время бытования подобных бус в Северной Европе Ю. Кальмер (Callmer 1997: taf. 16), приводящий в своей монографии 1977 г. единственный комплекс с подобными бусами, расположенный в Норвегии (Callmer 1977: 18).

Верхнюю границу существования поселения, видимо маркируют бусы, близкие типу E161-162 по Ю. Кальмеру (Callmer 1977: coular plate III). Речь идет о выполненных из тянутых трубочек, округлых, часто «лимоновидных» бусах светлого стекла, декорированных тонкими продольными полосками темного стекла. Цвет тела бусины варьируется от бело-серого до желтого; цвет полосок варьируется от разных оттенков красного и коричневого до черного стекла. З. А. Львова относит такие бусы к VIII группе, подгруппе 2. И З. А. Львова и Ю. Кальмер согласно датируют появление таких бус второй половиной X в. Видимо, не противоречат им и находки из Новгорода, где датировка наиболее ранних находок близка времени постройки 28 яруса (Френкель).

Таким образом, время начала жизнедеятельности на изученном участке поселения к югу от Сяського городища следует отнести ко времени не позже второй половины VIII в., причем наиболее вероятной является третья четверть VIII в. Более сложен вопрос о времени прекращения активной деятельности в этом районе. Как мы уже неоднократно отмечали, в материалах раскопок неизвестна керамика, изготовленная на гончарном круге. Время появления кружальной керамики по материалам Староладожского поселения вряд ли можно отнести ко времени позже 930-х гг. (Рябинин 1985: 37). Вместе с тем, присутствие в материале «лимоновид-

ных» бус светлого стекла, декорированных тонкими продольными полосками темного стекла не позволяет отнести верхнюю дату поселения ко времени ранее 950-х гг. На наш взгляд, верхняя дата все же близка второй дате, что неизбежно ведет к констатации относительно позднего появления в этом районе круговой керамики.

В настоящий момент существование в VIII – первой половине IX в. надежно зафиксировано для следующих поселений Северо-Запада России: Старая Ладога, Изборск, Холопий Городок в истоке Волхова, Псков, городище Камно и Рюриково городище (Седов 2002: 26–38)². К этому списку можно добавить городище Любша в районе Старой Ладоги. Один из его культурных слоев, несмотря на предварительность сделанных выводов, автор раскопок уверенно датирует началом – серединой VIII в. (Рябинин, Дубашинский 2002: 202). Список памятников, датировка которых может быть, пусть и с некоторыми оговорками, отнесена к периоду VIII–IX вв. следует расширить и за счет материалов раскопок поселений Ильменского Поозерья. Городище Георгий, расположенное на берегу реки Веряжи, впадающей в озеро Ильмень, по мнению первых исследователей этого памятника, отнесено ко времени VIII–IX вв. (Орлов, Аксенов 1961: 165–167) Несколько более позднюю датировку – вторая половина IX–X вв. – предложили Е. Н. Носов и А. В. Плохов, опираясь, в первую очередь, на характер керамического комплекса этого памятника, содержащего раннегончарную керамику, и некоторые индивидуальные находки (Носов, Плохов 2002: 169). Вместе с тем, исследователи особо отмечают уникальную для Ильменского Поозерья серию вещей, имеющих ранние аналогии. В первую очередь следует упомянуть находку железного ножа, рукоять которого завершалась двумя волютами. В российской литературе подобные ножи считаются характерными для славянских древностей (Минасян 1978: 148–152; Перхавко 1979: 47, 55). По мнению Р. С. Минасяна, по территории Восточной Европы ножи с волютообразным навершием, распространились вместе с другими категориями хозяйственного и бытового инвентаря благодаря расселению групп славянского населения (Минасян 1978: 148–152). Другим предметом, заслуживающим пристального внимания, является находка бронзового салтовского перстня с крестообразно расположенными лапками, принадлежащего к типу 1, по классификации С. А. Плетневой. Этот тип датируется автором классификации концом VIII – первой половиной IX в. (Плетнева 1967: 137–141, рис. 36). Кроме того, в процессе раскопок 1989–1993 гг. при разборке одной из хозяйственных ям был обнаружен комок из трех-четырёх восточных монет плохой сохранности. После их расчистки И. Г. Добровольскому удалось определить три из них: 1) 1/3 арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) 1/4 часть омейядского дирхема, чеканенного в 713/714 гг.; 3) 1/4 часть аббасидского дирхема второй половины VIII – начала IX вв., чеканенного в Мединат ас-(Салам?) (Носов, Плохов 2002: 167). Эти находки, позволяющие, на наш взгляд, говорить о возможности удревнения нижней даты поселения по сравнению с предложенной Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым, тем более что на поселении хорошо известны комплексы, содержащие исключительно лепную керамику. Таким образом, возникновение средневекового поселения на городище Георгий следует отнести к началу IX в. (а возможно, и к более раннему времени). К началу XI в., судя по характеру керамического комплекса, жизнь на памятнике замирает, и только немногочисленные фрагменты гончарной керамики

² К этому списку можно добавить также некоторые поселения Ильменского Поозерья, речь о которых пойдет ниже (Носов, Плохов 2002: 159–180).

в верхнем слое и отдельные находки позволяют говорить о посещении поселения в XI–XVIII вв. (Носов, Плохов 2002: 169).

Другим памятником, в материалах которого представлены древности VIII–IX вв., является поселение Прость. Оно расположено на левом берегу протоки реки Волхова при впадении в нее речки Прость в двух километрах к югу от Новгорода. Среди индивидуальных находок, встреченных при изучении комплекса, следует отметить черную цилиндрическую бусину, украшенную восемью выступающими фиолетовыми глазками в бело-бирюзовом обрамлении. Такие бусы характерны для памятников ломоватовской культуры VIII–IX вв. Встречены они и в Поломском I могильнике полемской культуры (Голдина 1985: 53, табл. XXV: 86). В Прикамье такие бусы, по мнению З. А. Львовой, проникали с Северного Кавказа, где они бытовали в VIII–IX вв. (Львова 1973: 89). К близкому хронологическому периоду можно отнести три бронзовых поясных накладки (две квадратные с гранеными сторонами, прямоугольной прорезью в основании и гладкой поверхностью, а также серповидную, без орнамента). По мнению авторов раскопок, эти фрагменты поясной гарнитуры находят прямые аналогии в древностях конца VII–VIII в. Прикамья (Голдина, Водолаго 1990: 81, табл. XXX: 2; LXVIII: 21; Голдина 1979: 81, рис. 1-192, 6-33; Голдина 1985: 41, 130, 131, табл. X: 41, 42, 47; Голдина 1995: рис. 5: 22, 23; Семенов, 1980: 37, табл. XII: 39), в комплексах древних тюрок южной Сибири, Тувы и Монголии (Добжанский 1990: 37–40; табл. XXVII: 1, 3; XXVIII: 1, 2; XXIX: 2; XXX: 1, 4; XXXI: 1, 2 XXXII: 2; XXXIV: 2, 3; XLII: 3, 4; XLIII: 2-4, 6, 7; XLIV: 6, 7; XLV: 2, 3, 5, 6; 40, рис. 19: 83; 22: 12; 23: 13, 14, 20; Степи Евразии... 1981: 40, рис. 19: 83; 22: 12; 23: 13, 14, 20; Овчинников 1990: 30–32, 34, рис. 7; 23: 2; 24: 7, 8, 10, 11; 53: 76, табл. 2), а также в слоях первых трех четвертей VIII в. Пенджикента (Распопова 1980: 89, рис. 63: 1, 3). Серповидные бляшки известны в материалах полемской (Ковалевская 1969: рис. 1: 29), ломоватовской (Голдина 1985: 42, табл. XII: 61–64) и неволинской культуры (Голдина, Водолаго 1990: 82, 93, табл. XXXII: 35–39), раннесредневековых мордовских могильников (Циркин 1987: 221, рис. 70: 3), а также древностях VIII–IX вв. Северного Кавказа (Степи Евразии... 1981: рис. 61: 21). Более того, эти два типа накладок составляют один комплект на некоторых «тюркско-аварских» поясах неволинской культуры, характерных преимущественно для VIII в. (Голдина, Водолаго 1990: 75, табл. XLIV: 3) Предложенной датировке не противоречит и полученная на памятнике серия дендродат (Носов, Плохов 2002: 174). Отсутствие на памятнике представительной серии раннегончарной керамики и находка погребения, совершенного в конце XI–XII вв. свидетельствуют о том, что жизнь на поселении прекратилась не позднее первой половины X в.

Безусловно, ключевым памятником для анализа керамического комплекса Северо-Запада Руси является Староладожское поселение. Богатый материал и хорошо разработанная хронология, которая связана с серией дендродат, предоставляет уникальные возможности для изучения археологического материала, в том числе и керамического комплекса. Вместе с тем, при обработке этого материала ярко проявляются те проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, изучающие проблемы истории коллективов конца I тыс. н. э. С одной стороны, древняя Ладога — полиэтничное поселение, где бок о бок живут представители разных обществ, где высоко развито ремесло, связанное с местной и дальней торговлей, что способствует появлению в материальной культуре этого поселения большого количества разнокультурных явлений. С другой стороны, на фоне значительной

подвижности населения, интеграции и взаимного обогащения различных культур появляется значительное количество явлений, присущих только этой уникальной среде. Это сильно затрудняет создание типологических систем материала, особенно такого слабо стандартизованного материала, как лепная керамика. Первые попытки создания типологии керамики относятся к 1950-м гг. Такая попытка была предпринята Я. В. Станкевич на материалах раскопок В. И. Равдоникаса (Станкевич 1950: 187–216; 1951: 219–246). Ею были предложены пять типов керамики, которые объединяли лепные, раннегончарные и кружальные сосуды (Станкевич 1951: 220–222).

В основу предложенной Я. В. Станкевич типологии была положена профилировка венчиков сосудов и лишь в отдельных случаях указывались характерные особенности общей формы сосуда. Кроме того, автор сама отмечала, что задачей «...работы является не столько типологическая классификация материала, имевшая значение предварительной его систематизации, сколько выделение последовательных, хронологически сменяющихся ведущих форм керамики...», в качестве которых были выделены несколько групп лепной и раннегончарной керамики, последовательно сменяющих друг друга (Станкевич 1951: 223). Поиск связей выделенных типов керамики автором не проводился, хотя в публикациях и были приведены аналогии некоторым сосудам. Вместе с тем, при общей характеристике комплекса лепной керамики поселения Я. В. Станкевич указала на широкие аналогии найденным сосудам в районе Верхнего Поднепровья, Смоленщины, в частности, в погребениях культуры смоленских длинных курганов, а также в погребальных памятниках Псковщины, Новгородчины и Ленинградской области (Станкевич 1950: 196 и сл.; 1951: 225 и сл.). После выхода в свет работ Я. В. Станкевич целый ряд исследователей обратил внимание на одну характерную особенность, которая была выделена для сосудов типов III и IV, а именно наличие резкого перелома тулова в верхней трети или четверти сосуда. Впоследствии сосуды, имеющие эту характерную черту, стали называть «ладожским типом» керамики (Носов 1976: 77; Белецкий 1977: 92–96). Постепенно из рабочего термина, обозначающего керамику с характерным профилем верхней части, это определение превратилось в этнический индикатор, характеризующий славянский компонент в материальной культуре памятников Северо-Запада. Иногда, в качестве дополнительной характеристики этого типа керамики предлагается такой критерий, как «стройность пропорций» (Конецкий 1991: 89–109). Впоследствии этот подход не раз подвергался критике как необоснованный (Сениченкова 1998: 12–13). Действительно, такие сосуды среди лепной керамики Земляного городища Старой Ладogi не составляют и трети определенных фрагментов (19 %, по Е. А. Рябинину). Остальной материал представлен слабопрофилированными баночными формами, сосудами с четким переходом от шейки к плечу и округлобкими сосудами со слегка отогнутым венчиком (Рябинин 1985: 64). Такой характер керамического комплекса сохраняется на всем протяжении бытования в Ладoge лепной керамики. В связи с этим нам кажется, что выделять реберчатые формы как наиболее характерные для Ладogi было бы преждевременно, тем более что реберчатые формы керамики распространены очень широко — от Смоленщины и юго-восточной Эстонии до Аландских островов и Швеции (Петренко, Шитова 1985: 188, прим. 17).

Схематичность типологической схемы Я. В. Станкевич, а также специфика целей, которые преследовались ею в упомянутых работах, не позволили широко использо-

вать предложенное ею разделение материала. Только в конце 1980-х гг. была предложена новая типология ладожской керамики (Сениченкова 1998: 13–18). В основу классификации Т. Б. Сениченковой был положен целый ряд признаков. Основные пропорции сосудов — соотношение высоты и диаметра максимального расширения, а также соотношение диаметра дна с максимальным расширением — были положены в основу выделения типов форм сосудов. Характер профилировки шейки и венчика сосуда, положен в основу выделения типов оформления верхних частей сосудов. Этот подход был предложен автором на основании сделанного наблюдения, что при одинаковой профилировке верхних частей сосуды могут иметь различные пропорции. Типы, выделенные на основании верхних частей сосудов, соотнесены с типами целых форм. Вся посуда делится на категории, горшки, миски, сковороды. Для интересующей нас категории — горшков — выделены восемь типов форм. Типы, выделенные на основании верхних частей сосудов, обозначены Т. Б. Сениченковой арабскими цифрами. Создание отдельной схемы для верхних частей сосудов здесь является более чем оправданной, поскольку подавляющая часть материала представлена не целыми формами и их реконструкциями, а именно фрагментами (рис. 2).

По наблюдениям Т. Б. Сениченковой, на Земляном городище количественно преобладают сосуды типа 1 (44,6 %). Типы 3 и 5 встречены в количестве 17,9 и 15,7 % соответственно. Далее следует тип 4, который представлен в количестве 9,3 %. Типы 7, 2, 8, 9 встречаются гораздо реже (каждый из них не превышает 5 %), а фрагменты типа 6 — единичны (встречены в верхнем слое горизонта E_3 и в горизонте E_1) — 0,5 %. В каждом отдельно рассматриваемом горизонте типы 1, 3, 5 постоянно занимают ведущее место. Тип 4 (сосуды баночных форм), начиная с горизонта E_2 , количественно не уступает типам 5 и 3 (увеличение идет за счет вида 4А).

Аналогии сосудам типа ФI известны, по мнению автора типологии, довольно широко: от Швеции и юго-восточной Эстонии до Ярославского Поволжья. В качестве аналогий горшкам типа ФII приводятся материалы культуры смоленских длинных курганов в Верхнем Поднепровье и Подвинье, относящихся ко второй традиции их сооружения (по В. В. Енукову) (Енуков 1990: 89), связываемой со славянским компонентом. Сосуды типа ФIV (или типа 2) близки сосудам, найденным на памятниках северо-западной Руси, в Белозерье, Латвии, Ярославском Поволжье; сходные по пропорциям горшки характерны для первой, более древней традиции сооружения смоленских длинных курганов (по В. В. Енукову) (Енуков 1990: 87), которая связывается им с балтским населением. Круг аналогий сосудам типа ФIII совпадает с аналогиями типу ФI. Аналогии баночным сосудам типа ФV (или типа 4) весьма многочисленны: они широко распространены на памятниках северо-западной Руси, юго-восточной Эстонии и Финляндии, в меньшем количестве они известны на северо-востоке Руси, однако, автор отмечает, что баночные сосуды имеют специфические особенности, характерные для отдельных регионов. Предположительно их можно отнести к прибалтийско-финскому кругу древностей. Слабопрофилированные сосуды — тип 5 — близки находкам из псковских длинных курганов. Приводя аналогии горшкам типа ФVI (или типа 3), автор отмечает, что подобная керамика широко распространена в конце I тыс. н. э. не только на Северо-Западе, но и в других регионах Восточной Европы и подобные сосуды составляют основу керамического комплекса роменско-боршевской культуры. Аналогии типу ФVII — мискообразным сосудам — немногочисленны и связаны, в основном, с памятниками Южного Приладожья и Поволжья. Тип 7 — встречен

в небольшом количестве и распространен в Приильменье, на Псковщине, подобные находки известны в Суздале. Тип 8 — также достаточно редкий, связывается большинством исследователей с кругом финских древностей.

Сопоставляя керамический комплекс из раскопок поселения у дер. Городище на р. Сяси с ладожским материалом, следует упомянуть, что единственный из лепных сосудов, форма которого реконструируется графически, может быть отнесен к наиболее распространенной форме горшков, а именно к ФІ (рис. 1: 1). Что касается типов верхних частей сосудов, то можно с достаточной уверенностью говорить о наличии керамики типа 1 (рис. 1: 1, 2, 3, 7). С несколько меньшей уверенностью можно отметить сосуд типа 2 (рис. 1: 5) и, возможно, типа 7 (рис. 1: 8) и типа 3 (рис. 1: 4). Однако, говоря о керамическом комплексе поселения у дер. Городище на р. Сяси, следует обратить внимание и на наиболее близкие географически памятники — погребальные комплексы юго-восточного Приладожья. Правда, большинство из них относится к более позднему времени, чем материалы раскопок анализируемого поселения. Керамика является одной из самых массовых категорий предметов в юго-восточном Приладожье и уступает по количеству находок только бусам. Однако, сохранность керамического материала в музейных коллекциях весьма плохая, а рисунки горшков, как правило, не входили в публикации. Кроме того, большая часть керамического материала раскопок XIX и XX вв. утрачена. Поэтому, а также для учета этих находок в работе, посвященной построению хронологической шкалы погребений юго-восточного Приладожья, было использовано наиболее общее разделение керамических сосудов только на основании способа изготовления — лепная и кружальная керамика — поскольку эта информация имеется практически о каждом сосуде (Богуславский 1991: 54). Таким образом, эта работа позволяет определить время использования лепной керамики в погребальном инвентаре приладожских курганов периодом после 890-х гг. Отдельные находки лепной посуды известны на ритуальных очагах Приладожских курганов, сооруженных после 1070-х гг. (Богуславский 1991: рис. 33).

Подробное рассмотрение находок керамики в юго-восточном Приладожье было проведено А. М. Спиридоновым (Спиридонов 1989: 303–315, рис. 3: 1; Спиридонов, 1985: 196–204). Глиняное тесто лепной керамики Приладожья содержит примесь зерен дресвы крупных и средних размеров, очень редко — песка; обжиг горшков зачастую слабый. Поверхность сосудов шероховатая, с выступающими зернами отощителя, и лишь у небольшой части она заглажена более тщательно. Разработка типологической схемы для лепной керамики проведена А. М. Спиридоновым, по большей части, на основании учета форм и пропорций сосудов. По особенностям формы большая часть лепной керамики разделена на четыре типа (рис. 3).

Тип I (22 экз.) — крупные или средних размеров, более или менее профилированные горшки с плечиками, располагающимися в верхней четверти их высоты, толстыми (0,7–1,0 см) стенками, чуть отогнутым наружу венчиком.

Тип II (14 экз.) — приземистые, за одним исключением, небольшие горшки с выступающими плечиками, расположенными в верхней трети их высоты, обычно несколько раздутым туловом, у которых диаметр горла равен или незначительно превышает диаметр днища. Толщина стенок 0,5–0,9 см. Короткий венчик может быть отогнутым наружу, внутрь сосуда, или прямым.

Тип III (5 экз.) — горшки «баночной формы» с прямым венчиком, коротким крутым плечиком и слабо сужающимся к днищу почти цилиндрическим туловом.

К типу IV отнесены горшки с ребристыми очертаниями плечиков. По различиям в пропорциях они разделены на два вида. Вид А (4 экз.) объединяет сосуды высоких пропорций с ребристыми плечиками, располагающимися в верхней четверти их высоты. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Вид Б (6 экз.) — сосуды со сглаженно-ребристыми плечиками, расположенными в верхней трети их высоты. Толщина стенок 0,7–0,9 см (Спиридонов 1989: 303–306).

Если принять во внимание датировку поселения у дер. Городище, прекратившего свое существование в период между 930-ми и 950-ми гг. (Богуславский 2006: 242–243), то отчасти синхронными его материалам следует признать керамические сосуды, отнесенные по классификации А. М. Спиридонова к типам I, II и IVБ³.

По мнению автора этой типологической схемы, в культуре населения юго-восточного Приладожья господствуют приземистые лепные горшки типов I и II, широко распространенные в кругу раннесредневековых финских древностей северных окраин Руси. Более того, керамические сосуды типа I, которые составляют более 40 % от проанализированных керамических изделий, имеют большие различия между собой, и только наличие переходных форм делает возможным выделение их в один тип (Спиридонов 1989: 304). Далеко выходят за пределы Приладожья и ареалы сравнительно малочисленных в курганах лепных сосудов типа III и IV. Широкие аналогии первому из них автор находит в Белозерье и Прионежье, где эта форма составляет, по его данным, около трети всей типологически определимой лепной керамики поселений. Сосуды с ребристым профилем, которые выделены в тип IV, с уверенностью относятся А. М. Спиридоновым к так называемому «ладожскому типу» (Спиридонов 1989: 312–313).

В представленную типологическую схему лепной керамики из Приладожских курганов не вошли 14 сосудов, которые А. М. Спиридонов считает привозными или изготовленными в Приладожье по привозным образцам (Спиридонов 1986: 23–28). Поскольку они составляют значительную часть сохранившейся лепной керамики, на этих сосудах следует остановиться подробнее. Во-первых, отмечается невысокий сосуд с загнутым внутрь венчиком. Аналогии этому типу А. М. Спиридонов находит в скандинавском круге древностей (Selling 1955: AIV:3a1; AIV:4a) и в материалах раскопок погребальных памятников Ярославского Поволжья (Седых 1982б: 194, тип 9А, рис. 49, 16). Группа круглодонных сосудов, по его мнению, относятся к типам, широко распространенным в бассейнах Камы и Вычегды, хотя их сосуды известны и в более западных районах, вплоть до Прибалтики (Макаров 1983: 18–25). Кроме того, два небольших подлощенных чашевидных сосуда выделяются идущими по плечикам валикообразными утолщениями. Ссылаясь на первый из них, Е. И. Горюнова (Горюнова 1961: рис. 59, 9) и вслед за ней Н. А. Макаров (Макаров 1983: 23) связали этот тип сосудов в Приладожье с камско-вычегодскими древностями. Я. В. Станкевич определила валик на том же сосуде как техническую деталь, указывающую на формовку чаш такого типа в мискообразной деревянной подставке, и привела аналогии из Скандинавии (Станкевич 1951: 234; Станкевич 1961: 432–433). Д. Селлинг учла в материковой Швеции 11 находок подобных сосудов, датирующихся X в., и на основании единичных аналогий в юго-западной Финляндии предположила, что чаши с «уступчатым» профилем происходят оттуда (Selling 1955: 204–208б AIV:4с). А. М. Спиридонов предлагает связывать эти находки с материалами Изборского городища (Седов 1978: 66, рис. 2, В)

³ О датировании типов керамики по А. М. Спиридонову см.: (Богуславский 1991: рис. 28).

и ряда других памятников Псковщины, восточного побережья Чудского озера и восточной Эстонии (Спиридонов 1986: 27). Кроме того, с керамикой этого же региона сопоставима объемистая подлощенная чаша, фрагменты тонкостенного, видимо плоскодонного, сосуда, украшенные широкой горизонтальной каннелюрой по плечикам (ср.: Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 78; Белецкий 1977: 93–95, рис. 3.1; Белецкий 1983: 52, рис. 7, 7, 2,4; 9, 7 (горшки, тип 4, чаши, тип 3), два сосуда с едва намеченным плечиком и коротким, чуть отогнутым венчиком (ср.: Аун 1976: 346; Белецкий 1977: рис. 1, 1; Белецкий, 1983: 52, рис. 6, тип 5), а также, вероятно, одна целая и фрагмент другой миски без выделенной шейки и широкогордый подлощенный сосуд цилиндрической формы (Белецкий 1983: 52, рис. 9, 8).

Таким образом, сравнивая комплекс лепной керамики юго-восточного Приладожья, мы также можем констатировать, что подавляющее большинство сосудов представлены, сосудами типа 1 по типологии Т. Б. Сениченковой, наличие сосудов типа 2 и 3, а также целую серию керамических форм, как и найденный на Сясьском городище сосуд типа 7, находящихся широкие аналогии в материалах Причудья и Повеличья. Это наблюдение позволяет предположить, что в целом, керамические комплексы Городища, сохранившегося крайне фрагментарно, и приладожских курганов были достаточно близки.

В 1,5 км севернее села Старая Ладога, на правобережном мысу, при впадении в Волхов р. Любши находится небольшое городище (Петренко, Шитова 1985: 181–191). Этот памятник неоднократно подвергался археологическим раскопкам, однако его керамический комплекс опубликован весьма фрагментарно (Доленго-Ходаковский 1838: 139; Орлов 1982: 94–98; Кольчатов, Лебедев, Петренко 1972: 36; Петренко, Крапивина, Терехин, Лебедев 1973: 36; Петренко, Шитова 1985: 181–185; Рябинин, Дубашинский 2002: 196–203). По количеству фрагментов самая большая группа керамики среди разновременных находок глиняных сосудов (ок. 90 %) состоит из лепной неорнаментированной (лишь один обломок украшен насечками по венчику) керамики конца I тыс. н. э., изготовленной из плотного теста со значительными примесями дресвы. Судя по имеющимся венчикам, как отмечают В. П. Петренко и Т. Б. Шитова, преобладает слабопрофилированная керамика; встречаются и формы с четко выраженным ребром. Если судить по опубликованным материалам большинство фрагментов относится к типу 1, хотя встречаются фрагменты сосудов с верхней частью близкой типам 3 и, возможно, 6.

Значительная часть поселения на Рюриковом городище была разрушена еще до начала его археологического изучения, а поэтому значительная часть материалов происходит из нарушенных поздними работами культурных слоев (Носов 1977: 95–98).

Керамика составляет основную массовую категорию находок на поселении. Ею насыщены культурные отложения: это небольшое число обломков сосудов эпохи раннего металла (вторая пол. II – первая пол. I тыс. до н. э.), лепная посуда конца I тыс. н. э., гончарная керамика ранних форм и, в основном, гончарная керамика, начиная с древнерусского времени вплоть до современной. Лепная посуда представлена главным образом обломками горшков темно-серых или коричневатых оттенков, с нагаром на стенках. Толщина стенок 0,8–1 см. Поверхность шероховатая (выпирают примеси дресвы), со следами заглаживания. Плечико сосудов при переходе от венчика к тулову обычно отчетливо выражено, диаметр венчика, как правило, меньше диаметра сосуда на уровне плечиков (Носов 1990: 133–138).

Сосуды лепились ленточным способом из нескольких полос глины шириной 4–5, реже 6 см. Края венчиков приплюснены или округлены, иногда наблюдается их небольшое утолщение с внешней стороны. Днища плоские, поверхность их ровная, иногда заметна присыпка песка, толщина 0,8–1,5 см. При переходе к стенкам почти половина днищ имеет выступ с внешней стороны сосудов. У многих днищ толщина меньше у стенок и больше в центре.

Орнаментация не характерна для лепной керамики поселения. На единичных сосудах по плечу или краю венчика были нанесены пальцевые и ногтевые вдавления, насечки, отпечатки гребенчатого штампа. По плечу одного горшка проходил горизонтальный желобок (каннелюра), а на двух — в верхней части тулова — ломаная линия и волна.

Основную часть лепной керамики Городища составляют горшки. Большинство из них имеют средние размеры: диаметр венчиков 11–22, диаметр днищ — 8–14 см. Преобладают горшки, отличительной чертой которых являются четко выраженное плечико, часто ребро при переходе от горловины к тулову и выделенная шейка. Толщина шейки обычно несколько меньше толщины стенок. Такая керамика определяет своеобразие керамического комплекса Городища. Автор наиболее значительных раскопок на поселении — Е. Н. Носов — предложил предварительную типологию керамического материала этого памятника. Он предложил выделить сосуды с ярко выраженным переходом от шейки к плечу в качестве первого вида сосудов (Носов 1990: 135). Отмечая, что при близкой профилировке верхних частей сосудов пропорции горшков в достаточной степени отличаются, Е. Н. Носов предложил выделить несколько подвидов этого вида керамики.

Ко второму виду автором были отнесены горшки со слабо намеченной, несколько отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей к пологому плечу. Большинство сосудов этого вида имеет наибольшее расширение на уровне плечиков, в то время как горло более сужено. По числу найденных обломков горшки второго вида занимают на Рюриковом городище второе место.

К третьему были отнесены горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой, суженным горлом и округлыми плечиками. Наибольшее расширение сосудов приходится на уровень плечиков.

Автор работы отмечал, что кроме описанных видов сосудов в коллекции имеется ряд индивидуальных форм, среди которых особо отметил несколько находок мисок и глиняную лепную сковородку.

Указав на весьма тесную связь керамического комплекса Рюрикова городища с материалами нижних горизонтов Новгорода, Е. Н. Носов привел также ряд других аналогий. По его мнению, керамический комплекс Городища аналогичен комплексу керамики Старой Ладogi (Станкевич 1950: 187–212; Станкевич 1951: 219–246; Гроздилов 1950: 164, 167, рис. 19; Рябинин 1985: 36, 65, 66, рис. 9, 25, 26), других поселений Поволховья (Холопий Городок (Носов, Плохов 1989: 36–38, рис. 2), Новые Дубовики (Носов 1976: 77, 78, рис. 1), Любша и Горчаковщина (Петренко, Шитова 1985: 185–189, рис. 3)), Ильменского Поозерья: Георгий (Орлов, Аксенов 1962: 165–167, рис. 3, 4), Прость (Орлов 1972: 130–137, рис. 3–5), Васильевское)⁴. Он чрезвычайно близок керамике поселения культуры сопок у дер. Золотое Колено на р. Мсте⁵. Кроме того, целый ряд сосудов, аналогичных най-

⁴ Раскопки Е. Н. Носова 1985–1989 гг.

⁵ Раскопки Е. Н. Носова 1974–1975 гг.

денным на Рюриковом городище, присутствует среди материалов Городка на р. Ловати (Горюнова 1974: 76, 77, рис. 24), Пскова (Белецкий 1979: 6, 7, рис. 3), Изборска (Седов 1978: 64, рис. 1), Тимерёвского поселения (Седых 1982б: 116, тип 5), ряда других пунктов лесной зоны Восточной Европы. Известна она в незначительном количестве в Швеции (Arbman 1943: taf. 244; Selling 1955: 13, fig. 1; 22, fig. 63; taf. 43:4, 44:1, 2). Г. П. Смирнова указывает ей параллели среди керамики западнославянских памятников северной Польши, междуречья Эльбы и Одера (Смирнова 1978: 167). Такого же мнения придерживается В. В. Седов (Седов 1978: 64; 1982: 64). Вместе с тем, следует обратить внимание, что, несмотря на бесспорность предложенных параллелей, сделанные Е. Н. Носовым наблюдения касаются в первую очередь сосудов, аналогичных, по типологии Т. Б. Сениченковой, сосудам типа Ф1, которые составляют большинство практически на всех раннесредневековых памятниках Северо-Запада Руси. Что касается других форм горшков Рюрикова городища, то опубликованные материалы позволяют говорить о присутствии здесь типов керамики 1, 3, 5, 7, 8, 9 по типологии Т. Б. Сениченковой. Это свидетельствует о весьма разнообразном видовом составе коллекции керамики этого памятника.

Одним из наиболее ранних памятников Приильменя является поселение Холопий Городок, расположенное одним километром ниже по течению Волхова от места слияния с ним его правого рукава р. Волховца и в 14 км от оз. Ильмень. Поселение состоит из городища и примыкающего к нему селища. Городище занимает высокое (5–7 м) всхолмление на правом берегу реки, среди низменной поймы. Севернее городка расположено оз. Холопье, соединяющееся с Волховом протокой (Носов, Плохов 1997: 129–153).

Наиболее многочисленную категорию находок на поселении Холопий Городок составляют обломки глиняной посуды. К концу I тыс. н. э. относится исключительно лепная керамика. Раннегончарные сосуды на городище и на селище не найдены. Вся посуда поселения сделана из глины с примесью дресвы. В изломах черепков иногда фиксируются пустоты от выгоревшей органической примеси. На некоторых обломках отмечены отпечатки зерен злаков. Судя по характеру разломов, сосуды конструировались кольцевым ленточным налепом. Ширина лент 4–6 см. Толщина стенок горшков составляет в основном 0,8–1,0 см, несколько увеличиваясь к нижней части тулова. Днища горшков плоские, в большинстве случаев с ровной поверхностью. Толщина днищ, как правило, 0,8–1,3 см. Иногда на них заметна подсыпка мелкой дресвы и золы. В коллекции есть также один фрагмент сосуда на кольцевом поддоне. Края венчиков уплощены, редко округлы, иногда они имеют незначительное утолщение с внешней стороны. На поверхности сосудов видны следы заглаживания, обычно, горизонтальные по венчику и вертикальные по тулову. Несмотря на это поверхность основной массы горшков шероховатая от выступающих зерен дресвы. Цвет керамики различен — от оранжевого до темно-серого. На стенках горшков иногда имеется нагар.

Орнаментация не характерна для лепной керамики Холопьяго Городка. Она встречена только на обломках семи сосудов. Три горшка имеют по плечу горизонтальные желобки-каннелюры, один орнаментирован маленькими ямками по плечу и еще один украшен отпечатками веревочки намотанной на палочку по венчику и плечу. Одна из мисок орнаментирована по плечу узором из двух параллельных линий с ломаной линией между ними, который выполнен веревочкой намотанной на палочку. Кроме того, один миниатюрный сосуд имеет ямки по основанию шейки.

Всего в коллекции поселения представлено около 170 обломков верхних частей сосудов, из них 64 позволяют судить о формах керамики. Основной категорией посуды на памятнике являются горшки. По характеру профилировки верхних частей среди горшков можно выделить группу, которую составляют сосуды с четко выраженным плечиком, часто с ребром при переходе от горловины к тулову и выделенной шейкой. Наибольший диаметр сосудов приходится на уровень плечиков. Отдельные горшки этой группы отличаются друг от друга по профилировке и размерам шейки, выраженности плечика и некоторым другим деталям. Толщина шейки, в основном, меньше толщины стенок. Большинство сосудов имеет отогнутую наружу или вертикально стоящую шейку и конически сужающееся ко дну тулово. Некоторые горшки имеют выпуклое тулово. По наблюдению авторов публикации, керамика, входящая в эту группу составляет больше половины лепной посуды конца I тыс. н. э. с поселения и определяет своеобразие его керамического комплекса. Верхние части других горшков довольно разнообразны и не составляют отчетливых групп. В материалах происходящих из раскопок на селище имеются фрагменты четырех мискообразных сосудов.

Сравнение лепной посуды Холопьево Городка с материалами археологических памятников Северо-Запада России, имеющих слои VIII — начала X в., проведенное Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым, показало ее тождество с керамикой нижних горизонтов таких значительных центров, как Ладога, Рюриково городище, Новгород и ряда поселений Поволжья и Ильменского Поозерья (Смирнова 1976: 3–10; Носов 1976: 76–81; 1977: 95–98; 1981: 18–24; 1990: 22, рис. 2; 1992: 32, 133–137, рис. 7, 54–56; Орлов, Аксенов 1961: 166, рис. 3, 4; Орлов 1972: 127–138, рис. 3–5). Керамика близких форм встречена при раскопках селищ Золотое Колено и Нестеровичи в бассейне р. Мсты, Городка на Шелони и других (Носов, Плохов 1991: 127; Конецкий 1991: 102, рис. 7). Подобные сосуды найдены во многих погребениях в сопках (Петренко 1994: 70, 71, рис. 29; Конецкий, Носов 1995: 48, 49, рис. 4). Действительно, в опубликованных материалах раскопок поселения присутствует большое количество используемых в настоящей работе типов керамики, выделенных Т. Б. Сениченковой. С достаточной уверенностью можно сделать заключение о наличии среди керамического материала сосудов типа 1, которые составляют здесь основную массу керамических фрагментов, а также характерны практически для всех целых форм сосудов, которые можно связать с формой Ф1. Кроме того, среди материалов мы можем выделить типы 3, 5, 7, 8, 9.

Другое раннесредневековое поселение Приильменья — городище Георгий — расположено в 1,2 км к югу от одноименной деревни, при впадении в Веряжу ручья. Поселение известно в литературе с начала XX в. Оно неоднократно подвергалось раскопкам (Романцев 1911: 126; Орлов, Аксенов 1961: 165, 167, рис. 3, 4). Наиболее масштабные раскопки были проведены экспедицией ЛОИА АН СССР (сейчас ИИМК РАН) (Носов, Плохов 2002: 165–170). В заполнении комплексов встречена исключительно лепная керамика, которая преобладала и в культурном слое. По мнению авторов раскопок, керамический комплекс поселения составляли как горшки с четкими ребристыми плечиками, так и горшки с плавным переходом от слабопрофилированного горла к расширяющемуся тулову. Все известные нам материалы, происходящие с поселения, относятся к типу 1 используемой классификации. Надежно зафиксированные случаи находок других типов оформления верхней части сосудов нам не известны.

Поселение Прость расположено на левом берегу протоки реки Волхова при впадении в нее речки Прость в двух километрах к югу от Новгорода. Селище Прость является самым крупным неукрепленным поселением раннего средневековья в окрестностях Новгорода, и некоторые исследователи видят в нем центр словен Ильменского Поозерья (Носов, Плохов 2002: 170–177). Исследование этого слоя дало богатую коллекцию лепной керамики. Среди лепной посуды представлены как сосуды, которые авторы публикации материалов раскопок характеризуют, как сосуды «ладожского типа», составляющие основу керамического комплекса на памятниках Северного Приильменя и Поволховья конца I тыс. н. э., так и профилированные горшки других форм. Орнаментация на этой керамике почти полностью отсутствует (Носов, Плохов 2002: 173). Также, по мнению авторов раскопок, для этого памятника характерно значительное присутствие в керамическом комплексе слабопрофилированной и баночной посуды.

Таким образом, в материалах раскопок поселения Прость основу коллекции составляют сосуды с высокой прямой верхней частью, чуть отогнутой наружу или слегка наклоненной внутрь шейкой, четко выраженными плечиками, переходящими в коническое тулово через более или менее резко выраженное ребро. Подобные сосуды относятся к типу 1, выделенному Т. Б. Сениченковой на материалах старолadoжского поселения. Значительную часть коллекции составляют керамические формы, соотносимые с типом 7 той же типологии. Остальные формы представлены в гораздо меньшем количестве, и можно констатировать присутствие в материалах сосудов типов 4 и 8.

Псковское городище располагается в центре современного города Пскова и занимает узкий скалистый мыс при слиянии р. Псковы и р. Великой. Площадка его возвышается над уровнем воды на 15–17 м. С запада она ограничена крутым берегом Великой, с севера и востока — крутым берегом Псковы и речной поймой. В древности площадка городища была отделена от плато перепадом материковой скалы. История изучения памятника насчитывает уже много десятилетий и в процессе производимых здесь раскопок накоплен значительный керамический материал (Белецкий 1983: 46–50).

Весьма подробно керамический материал Псковского городища, как, впрочем, и других памятников Причудья и Повеличья в ряде работ проанализирован С. В. Белецким (Белецкий 1996: 34–54). По внешнему облику и характеру обработки наружной поверхности стенок сосудов лепная керамика разделена им на грубую гладкостенную, парадную (подлощеную) и сетчатую (Белецкий 1983: 46–80). Эти категории были разделены на различные типы посуды. Вместе с тем следует отметить, что целью этой работы было не изучение керамического материала как такового, а попытка построения культурно-хронологической системы развития поселения. Поэтому, значительную часть исследования С. В. Белецкого занимает изучение закономерностей распределения выделенных типов керамического материала в культурном слое Псковского городища, который, в силу ряда причин, получил различные разновременные повреждения. Кроме того, неотъемлемой частью исследования культурной стратиграфии Пскова стало изучение системы псковского домостроительства, вещевых находок и других вопросов. Таким образом, предложенная типология находок керамических сосудов преследовала достаточно своеобразные цели, а именно, выделение культурно-исторических групп древностей, позволяющих реконструировать историю Псковского городища. Это

было достигнуто благодаря выделению шести керамических групп, часть которых объединяет лепные сосуды (Белецкий 1979: 3–18): сетчатая керамика, гладкостенная лепная керамика (18,8 %) представленная горшками «стройных пропорций», сходными с керамикой пражского типа, а также баночными и тюльпановидными сосудами типа керамики верхнего слоя Тушемли–Колочина и сковородами, грубая кухонная (59,5 %) и подлощенная столовая (2,8 %) лепная посуда.

Кухонная посуда представлена, в основном, банковидными сосудами, сходными с керамикой поселений типа Рыуге в юго-восточной Эстонии, а также немногочисленными фрагментами сосудов с ребром или каннелюром на плечике, подобных, по определению автора типологии, «керамике ладожского типа». Столовая посуда — ребристые горшки и округлодонные чаши — находит себе прямые аналогии в подлощенной керамике поселений типа Рыуге в юго-восточной Эстонии и (шире) в прибалтийско-финских древностях. Прделанная работа позволила автору сделать вывод о том, что в истории поселения на месте Псковского Крома выделяются четыре основных периода, названных С. В. Белецким комплексами А, Б, В и Г. Проводя сравнение опубликованного в различной литературе материала, происходящего из раскопок Псковского Крома, я считаю нужным отметить, что керамический комплекс крайне разнообразен. Здесь известны практически все типы верхних частей сосудов, выделенные Т. Б. Сениченковой для материалов Старой Ладogi. Мне не известны только достоверные находки сосудов типа 2. Среди этого многообразия форм керамических изделий, как и на остальных рассмотренных поселениях, занимают сосуды типа 1.

Городище Камно, находящееся в восьми километрах к северо-западу от Пскова, хорошо известно в литературе и неоднократно обследовалось археологами (Белецкий 1977: 92–95). Керамический материал с этого поселения несколько раз становился объектом специальных исследований. Суммарная характеристика керамического комплекса этого памятника дана С. В. Белецким (Белецкий 1977: 95). Лепная керамика Камно изготовлена из местных серых глин ледникового происхождения. Глиняное тесто содержит большое количество отошающих примесей, главным образом дресвы. Обжиг костровый, неравномерный, техника изготовления ленточная. По характеру обработки поверхности стенок С. В. Белецкий подразделяет всю лепную керамику на две большие группы: грубую и подлощеную.

Характерным признаком грубой керамики является бугристая поверхность стенок из-за сильно выступающей наружу дресвы. Тесто серо-коричневого, красноватого или желтого цвета, промешано крайне неравномерно. Наружная поверхность стенок сохранила следы сглаживания. Орнаментация для сосудов этого памятника не характерна. Здесь выделяется две основных формы сосудов: горшки и банки. Банки имеют отвесные, чуть сходящиеся по направлению к днищу стенки. Толщина стенок 9–14 мм. Диаметр устья 14–25 см. Венчик почти не выделен, закраина скруглена, реже срезана или утончена. Горшки имеют слабо моделированные венчики, более или менее отчетливо выделенные плечики и коническую придонную часть. Толщина стенок — 6–15 мм. Диаметр устья — 15–27 см. Высота несколько превышает диаметр устья или равна ему. Закраина венчика скруглена, реже формована горизонтальным или скошенным наружу срезом. Выделяется группа горшковидных сосудов с характерным ребром по плечу, ребро иногда оттянуто и напоминает валикообразный выступ.

Характерными признаками подлощенных сосудов являются равномерно промешанное плотное тесто без видимых на поверхности стенок частиц отошителя,

отсутствие на фрагментах следов нагара и тщательная заглаженность (иногда подлощение) наружной поверхности стенок сосудов. В изломе заметны частицы мелкодробленой дресвы, песок. Сосуды светло-серого, реже красноватого или желтого цвета. Подлощенная посуда включает в основном две формы сосудов: чаши и маломерные горшочки.

Набор форм лепной керамики городища Камно, по мнению С. В. Белецкого, в целом находит себе аналогии в керамике с памятниками последней четверти I тыс. н. э., тяготеющими к бассейну Балтийского моря. Со своей стороны я могу отметить наличие в керамическом материале городища Камно сосудов типа 1 по типологии Т. Б. Сениченковой, а также сосудов типа 3, 6, 8 и 9.

Труворово городище находится в 0,3 км к север-северо-западу от дер. Старый Изборск и занимает мыс коренного берега оз. Городищенского при впадении в пойму озера глубокого оврага (Белецкий 1996: 22–70). Высота площадки городища над поймой 38–40 м. Площадка подтреугольная в плане, площадью около одного гектара. По ее южному краю проходит треугольный в сечении подковообразный в плане вал высотой до 6 м. Среди изборской лепной керамики, по мнению В. В. Седова (Седов 1978: 63–67), преобладают горшкообразные сосуды с плавным профилем, выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосудов, диаметр дна почти в два раза меньше диаметра устья. Горшки среднего размера — их высота 13–20 см. Обломки таких сосудов составляют 52 % фрагментов, пригодных для типологического анализа. Аналогии этой группе сосудов В. В. Седов находит в северорусских городах (Псков, Новгород, Старая Ладога), на небольших поселениях и в курганах с трупосожжениями, в том числе сопках и длинных курганах Смоленщины.

Второй тип изборских лепных сосудов составляют низкие, приземистые горшки с более или менее выраженным ребром. Наибольшее расширение тулова приходится на ребро, находящееся обычно в верхней четверти высоты сосуда. Намечаются два варианта горшков этого типа. Одни из них имеют ребро, образованное изгибом стенок сосуда под углом, у других «ребро» только намечено при помощи отчетливо выделенного плечика. В Изборске такие горшки составляют около 12 % всей массы лепной керамики. Аналогии им встречены в Пскове, Новгороде, Старой Ладоге, на поселениях Поильменя, хотя приводятся и более отдаленные аналогии этой керамике среди славянских древностей междуречья Нижней Вислы и Одера.

Третий тип изборской лепной посуды составляют слабопрофилированные горшки с прямым венчиком. Наибольшее расширение их приходится на верхнюю четверть, нижняя часть — усеченно-коническая, диаметр дна почти в два раза меньше диаметра устья. Среди них преобладают сосуды средних и крупных размеров (их высота от 16 до 35 см). В Изборске керамика третьего типа составляет около 23 % лепной посуды, и сходные с ней формы известны на очень широких территориях.

Четвертый тип — баночные сосуды. По технологическим признакам (тесто, формовка, обжиг) посуда третьего и четвертого типов идентична. Баночные сосуды имеют почти отвесные стенки, лишь некоторые из них несколько суживаются по направлению к днищу. Они составляют около 9 % лепной керамики Изборского городища. Подобные находки известны на многих памятниках северо-западного региона Восточной Европы. Ближайшие аналогии имеются в материалах городищ Камно и Псковском, а также на памятниках рыгуского типа в юго-восточной Эстонии. Аналогичная баночная керамика (встреченная также в Старой Ладоге, в древнейшем

комплексе Городца под Лугой и среди урн длинных курганов) связывается В. В. Седовым с местным финноязычным населением, поскольку на эстонских поселениях типа Рыуге аналогичные баночные сосуды являются основной формой грубой лепной керамики. С рыугескими формами керамики автор сопоставляет также низкие круглодонные сосуды с чуть выгнутым наружу венчиком, с подлощенной поверхностью и ребром или плавным изгибом примерно посредине их высоты.

Таким образом, материалы раскопок Труворова городища характеризуются весьма разнообразным набором различных типов керамических сосудов. Здесь известны сосуды типов 1, 3, 4, 5, 8 и 9.

Подводя итоги рассмотрения керамического материала раннесредневековых памятников Северо-Запада, я считаю возможным сделать несколько замечаний, несмотря на поверхностный анализ, проведенный в настоящем исследовании. Во-первых, как уже отмечалось многими исследователями, комплекс лепной керамики поселений последней четверти I тыс. н. э. весьма близок. Его основу составляют сосуды с высокой прямой, чуть отогнутой наружу или слегка наклоненной внутрь шейкой, четко выраженными плечиками, переходящими в коническое тулово через более или менее резко выраженное ребро. Широкое распространение подобных керамических форм не позволяет, на мой взгляд, оперировать в отношении подобных сосудов понятием «ладожский тип» керамики. Вопросы выделения различных локальных или хронологических вариантов этого типа, вероятно, возможны, однако весьма затруднены спецификой материала и, безусловно, требуют отдельной работы. Также, вряд ли, возможно в настоящий момент делать какие бы то ни было предположения о природе культурно-исторических традиций, стоящей за подобными сосудами. Весьма вероятно, что причиной возникновения и широкого распространения сосудов с подобным оформлением устья стали чисто технологические моменты, а именно — относительная легкость его изготовления. Во-вторых, даже представленный анализ находок керамических сосудов, проведенный в настоящей работе, демонстрирует значительные региональные различия в составе керамического комплекса отдельных регионов при значительной близости отдельных форм сосудов. В этой связи можно упомянуть значительное количество керамики аналогичной материалам юго-восточной Эстонии в керамическом комплексе памятников Причудья или ряд форм, аналогичных сосудам известным в Белозерье, среди материалов юго-восточного Приладожья. В-третьих, типологический состав керамического комплекса раннесредневековых поселений Северо-Запада демонстрирует интересную закономерность, которая, безусловно, должна быть подтверждена на более широком фактологическом материале. Эта закономерность связана не столько с характером и происхождением различных типов керамических сосудов, обнаруженных на каждом отдельном поселении, а с богатством типологического набора каждого отдельного комплекса. Обращает на себя внимание, что количество встреченных на каждом поселении керамических форм различно. Наиболее многообразны они в материалах староладожского поселения, где встречены все использованные в работе типы. Несколько беднее типологический состав керамических комплексов на Рюриковом и Псковском городищах, в Изборске и Холопьем Городке. На остальных памятниках — городище Камно, Любше, Георгии и на поселении Прость — типов керамики встречено значительно меньше. Подобные различия, по всей вероятности, являются отражением состава культурных компонентов, формировавших облик каждого из этих поселений. В настоящий момент

представляется невозможным достаточно определенно высказаться в отношении того, что реально стоит за этой разницей, причем, весьма вероятно, что различия в этническом составе населения этих памятников не были единственной или даже основной причиной их возникновения. Вместе с тем представляется бесспорным, что многообразие керамического материала является свидетельством комплексности и многокомпонентности материальной культуры памятника, которая могла возникнуть только в определенных условиях, когда возникали благоприятные предпосылки для широких контактов носителей различных технологических традиций.

Возвращаясь к непосредственной теме настоящей работы, следует отметить, что особенности керамического комплекса поселения у дер. Городище на р. Сяси, которые были отмечены в начале работы, не позволяют уверенно сопоставлять его с материалами других синхронных поселений. Вместе с тем, отмеченное сходство между крайне фрагментарными материалами Городища и материалами приладожских курганов является косвенным свидетельством, что сделанные наблюдения не носят случайный характер. Таким образом, на основании небольшого количества встреченных в его материалах типов керамики, можно с осторожностью предположить, что для Городища на Сяси не было присуще многообразие составляющих его культурных компонентов. Это предположение вступает в определенное противоречие с положением, что этот памятник играл значительную роль в системе трансъевразийской торговли. В настоящей работе нет возможности дать исчерпывающее объяснение этому несоответствию. Вероятно, возможный ответ скрывается в предположении, что в период формирования и развития средневековой международной торговли поселения, связанные с функционированием транзитных путей, исполняли в процессе международного торгового обмена различные функции — транзитных или региональных центров. Подобные различия должны были найти отражение в их материальной культуре. Таким образом, Городище на р. Сяси, по всей вероятности, могло играть достаточно значительную роль в международной торговле, но все же являлось региональным центром, культура которого включала меньше различных компонентов, чем крупные транзитные центры международной торговли, такие как древняя Ладога.

Литература

- Аун 1976 — *Аун М. Э.* 1976. Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // Известия АН ЭССР. Таллинн, 1976. № 24/1. С. 81–84.
- Белецкий 1977 — *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. М., 1977. Вып. 150. С. 92–95
- Белецкий 1979 — *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова: (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. М., 1979. Вып. 160. С. 3–18.
- Белецкий 1983 — *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 46–80.
- Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Богуславский 2006 — *Богуславский О. И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // *Stratum*. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2003–2004. № 5. С. 171–243.

- Богуславский 1991 — *Богуславский О. И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации): Дис... канд. истор. наук: 07.00.06. СПб., 1991.
- Брыкина, Кочкуркина, Сазонова 1972 — *Брыкина Н. А., Кочкуркина С. И., Сазонова О. И.* Исследования в Приладожье // АО 1971 г. М., 1972. С. 25–26.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Голдина 1979 — *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 79–90.
- Голдина 1985 — *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина 1995 — *Голдина Р. Д.* О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 22–89.
- Голдина, Водолаго 1990 — *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Горюнова 1961 — *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
- Горюнова 1974 — *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 74–80.
- Гроздилов 1950 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. // СА. М., 1950. Т. XIV. С. 164–166.
- Добжанский 1990 — *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Доленго-Ходаковский 1838 — *Доленго-Ходаковский З.* Отрывки из путешествия по России // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3. С. 147–149.
- Енуков 1990 — *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
- Ковалевская 1969 — *Ковалевская В. Б.* К вопросу о «поломской культуре» // МИА. М., 1969. № 169. С. 84–91.
- Кольчатов, Лебедев, Петренко 1972 — *Кольчатов В. А., Лебедев Г. С., Петренко В. П.* Разведки в южном Приладожье // АО 1971. М., 1972. С. 36.
- Конечкий 1991 — *Конечкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1991. С. 89–116.
- Конечкий, Носов 1995 — *Конечкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. С. 29–54.
- Кочкуркина 1989 — *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Куза 1975 — *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 145–152.
- Львова 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. 1. // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 64–94.
- Львова 1973 — *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Л., 1973. Вып. 15. С. 83–104.
- Макаров 1983 — *Макаров Н. А.* Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. М., 1983. Вып. 175. С. 18–25.
- Мальм 1959 — *Мальм В. А.* Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33. С. 123–148.

- Минасян 1979 — *Минасян Р. С.* Железные ножи с волотообразным навершием // Проблемы археологии. Л., 1979. Вып. 2. С. 148–152.
- Носов 1976 — *Носов Е. Н.* Поселение у Волховских порогов // КСИА. М., 1976. Вып. 146. С. 76–81.
- Носов 1977 — *Носов Е. Н.* Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 95–98.
- Носов 1981 — *Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. М., 1981. № 164. С. 18–24.
- Носов 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов 1992 — *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореферат дис... докт. ист. наук. СПб., 1992.
- Носов, Плохов 1989 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. М., 1989. Вып. 195. С. 34–42.
- Носов, Плохов 1991 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. М., 1991. С. 117–149.
- Носов, Плохов 1997 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 129–153.
- Носов, Плохов 2002 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 159–180.
- Овчинникова 1990 — *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
- Орлов 1972 — *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. М., 1972. № 2. С. 127–138.
- Орлов 1982 — *Орлов С. Н.* Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине р. Волхова // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 94–98.
- Орлов, Аксенов 1961 — *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. Вып. 10. С. 161–168.
- Перхавко 1979 — *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. М. 1979. № 4. С. 47–55.
- Петренко 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.
- Петренко, Крапивина, Терехин, Лебедев 1973 — *Петренко В. П., Крапивина Г. А., Терехин Н. М., Лебедев Г. С.* Работы в Ленинградской области // АО 1972. М., 1973. С. 36.
- Петренко, Шитова 1985 — *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 181–191.
- Плетнева 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. М., 1967. № 142.
- Равдоникас 1931 — *Равдоникас В. И.* Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них // СГАИМК. М.; Л., 1931. № 3. С. 1–6.
- Равдоникас 1934 — *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. М.; Л., № 94.
- Распопова 1980 — *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Репников 1915 — *Репников Н. И.* Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // ЗОРСА РАО. СПб., 1915. Т. XI. С. 35–40.
- Романцев 1911 — *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.

- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рябинин 1982 — *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 165–172.
- Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 27–75.
- Рябинин 1999 — *Рябинин Е. А.* «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного Городища в 1973–1985 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. Спб., 1999. С. 175–186.
- Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196–203.
- Седов 1978 — *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 63–67.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
- Седов 2002 — *Седов В. В.* Русы в VIII – первой половине IX вв. // КСИА. М., 2002. Вып. 213. С. 26–38.
- Седых 1982а — *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 111–117.
- Седых 1982б — *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения // В кн.: *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 192–197.
- Семенов 1980 — *Семенов В. А.* Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 34–49.
- Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси. Автореферат дис... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 1998.
- Сениченкова 2002 — *Сениченкова Т. Б.* Орнаментация ладожской керамики VIII–X вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 93–113.
- Смирнова 1976 — *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. М., 1976. № 146. С. 3–10.
- Смирнова 1978 — *Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского конца Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 162–171.
- Спиридонов 1985 — *Спиридонов А. М.* Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линевского) // *Кочуркина С. И., Ливеский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 196–204.
- Спиридонов 1986 — *Спиридонов А. М.* Лепная керамика из курганов Юго-Восточного Приладожья // КСИА. М., 1986. Вып. 187. С. 23–28.
- Спиридонов 1989 — *Спиридонов А. М.* Керамика Приладожской курганной культуры // *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 303–315.
- Станкевич 1950 — *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947 г.) // СА. М.; Л., 1950. Вып. XIV. С. 187–216.
- Станкевич 1951 — *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. М.; Л., 1951. Вып. XV. С. 219–246.
- Станкевич 1961 — *Станкевич Я. В.* К вопросу о появлении гончарного круга у северо-восточных славян // *Swiatowit.* Warszawa, 1961. Т. 24. S. 430–433.
- Степи Евразии 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Френкель — *Френкель Я. В.* Стекланные бусы Сясьского городища (по материалам раскопок 1987–89 и 1996–97 гг.). (В печати).

Циркин 1987 — *Циркин А. В.* Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987.

Arbman 1943 — *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. 1943.

Callmer 1977 — *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Skandinavia, ca 800–1000 a.d. // *Acta Archaeologica Lundensia.* Bonn-Lund, 1977. Series in 4. № 11.

Callmer 1997 — *Callmer J.* Bead production in Skandinavia and the Baltic Region // *Perlen.* Bonn, 1997. P. 197–202.

Selling 1955 — *Selling D.* Wikingertzeitliche und Frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.

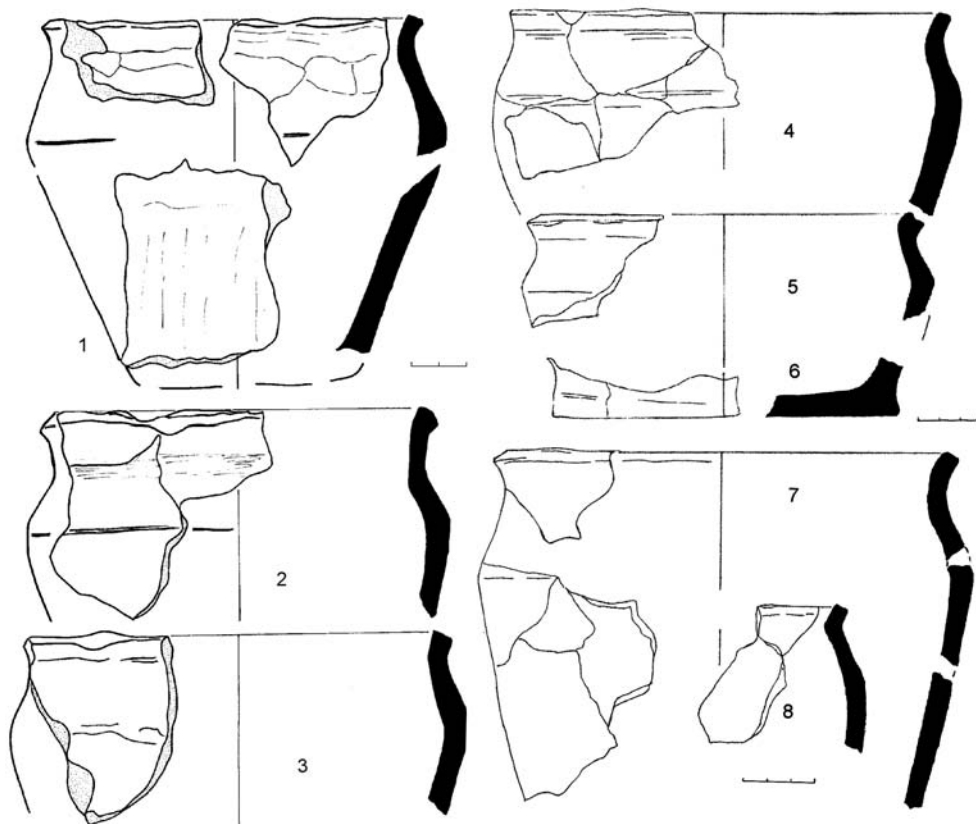


Рис. 1. Поселение Городище. Керамические сосуды.

1 — квадрат Б-5 (-52); 2 — сооружение 6; 3 — сооружение 1; 4 — развал 5, квадрат Г-1' (-70); 5 — культурный слой; 6 — развал 1, квадрат Г-1' (-67); 7 — развал 2, квадрат Г-0 (-71); 8 — развал 4, квадрат В-1' (-71)

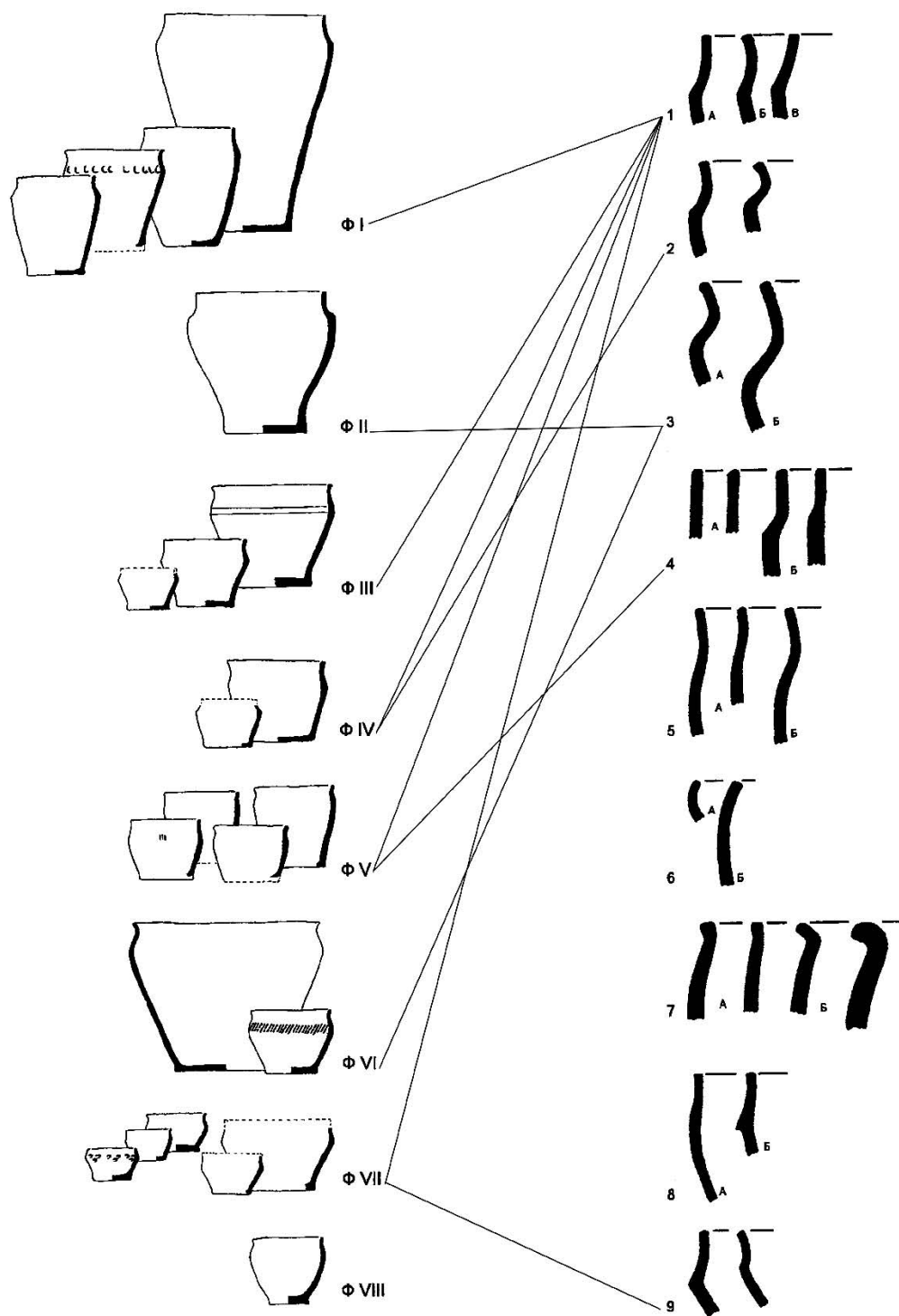


Рис. 2. Типы лепной керамики Старой Ладого (по Т. Б. Сениченковой)

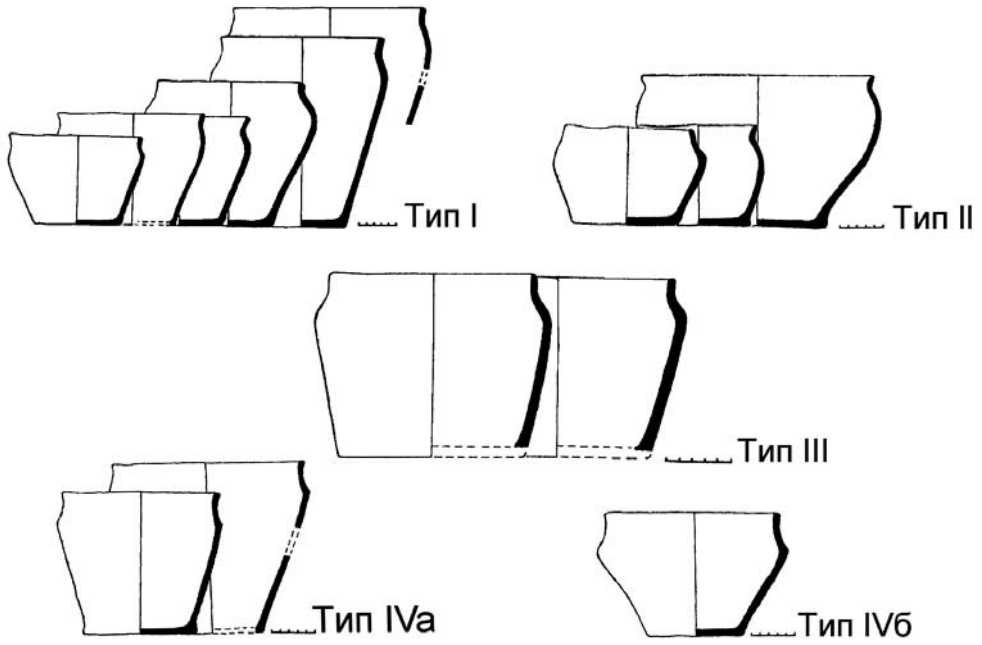


Рис. 3. Типы лепной керамики юго-восточного Приладожья (по А. М. Спиридонову)